

Сердце мое — неостудная память,  
Годы прошли — не составом пустым...  
Вечная память! Вечная память! —  
Людям простым.

\* \* \*

**Анатолий Павлов**

**ГОРОД  
СМОЛЕНСК**

## СМОЛЕНСК ДОВОЕННЫЙ

Город Смоленск был оккупирован 16 июля 1941 года, освобожден 25 сентября 1943 года.

По переписи 1939 года в городе Смоленске было 156 884 жителя, на 10 октября 1943 года их осталось 13 000.

Накануне оккупации Смоленск был городом областного подчинения. Он включал три района: Заднепровский (1936—1957 гг., восстановлен в 1965 году),

Красноармейский (1936—1956 гг., с 1956 г. в Центральном районе),

Сталинский (1936—1956 гг., с 1956 г. в Центральном районе).

Перед войной г. Смоленск уже был крупным промышленным, торговым, транспортным, культурным центром области.

В 1937 году в Смоленске вступил в строй крупнейший в Союзе льнокомбинат, на котором трудились около четырех тысяч рабочих, т. е. в 3 раза больше, чем на всех заводах и фабриках дореволюционного Смоленска. Оборудованный новейшей по тому времени техникой комбинат ежегодно давал стране 6,3 миллиона метров льняных и жаккардовых изделий.

В годы первых пятилеток в Смоленске была построена электростанция, появились молочный, шиноремонтный, металлообрабатывающий, кирпичный, фанерный, рыбокоптильный заводы, обувная фабрика, мясокомбинат, мельничный комбинат и другие предприятия.

На промышленных предприятиях г. Смоленска накануне войны было занято более 15 тысяч рабочих, в 10 раз больше, чем до революции.



Были возведены Дом Советов, гостиница «Смоленск», драматический театр.

Неузнаваемо изменился культурный облик г. Смоленска.

Перед Великой Отечественной войной в Смоленске работали медицинский, педагогический, учительский, сельскохозяйственный, стоматологический институты, институт иностранных языков. В областном центре работала 151 библиотека.

А вот как выглядел накануне войны один из трех районов г. Смоленска — Заднепровский. Здесь имелись заводы им. Калинина, авиационный (№ 35), пивоваренный, ликеро-водочный, кирпичный, фабрика «Красный швейник», льнокомбинат, мясокомбинат и другие предприятия, железнодорожный узел со всеми его службами, речная пристань, рынок, многочисленные склады и базы, торговые точки.

На территории Заднепровья работали: старейшая в городе клиническая больница, военный госпиталь, семь школ, пять детских садов, восемь библиотек, четыре Дома культуры, две гостиницы.

Таким образом, в напряженном ритме трудовых будней за годы первых пятилеток, к началу войны, изменился облик городов и сел, росла численность населения, развивалось промышленное производство, повышалась культура и благосостояние жителей г. Смоленска и всей области.

Но мирные планы, надежды на дальнейшую мирную жизнь рухнули 22 июня 1941 года.

## БОИ ЗА СМОЛЕНСК И ОККУПАЦИЯ ГОРОДА

В ночь на 16 июля после скоротечных боев части 29-й немецкой моторизованной дивизии уже заняли южную часть Смоленска. На следующий день они форсировали Днепр (мосты были взорваны по приказу начальника Смоленского гарнизона полковника П. Ф. Малышева) и заняли северную часть города — Заднепровье. Через день, 17 июля, они были отброшены частями 16-й армии за Днепр.

День за днем шли ожесточенные бои за Смоленск. Особенно напряженными они были в районах железнодорожного вокзала, авиационного, кирпичного и Калининского заводов, на Тихвинском кладбище и у Шейновского моста через Днепр.

Бои за Смоленск продолжались до 30 июля, после чего обессиленные части 16-й и 20-й армий отступили на восток в район Соловьевской и Ратчинской переправ.

Фашистские войска полностью заняли г. Смоленск. Начался тяжелый период оккупации с 16 июля 1941 года по 25 сентября 1943 года.

Оккупанты превратили этот древний русский город в сплошные развалины. Враги полностью уничтожили 93 процента жилого фонда, 82 процента всех зданий (6550 из 7969).

При этом уничтожили наиболее крупные здания. Была взорвана электростанция, разрушен водопровод, уничтожен трамвай (вагоны, здание парка, мастерских, воздушная сеть и прочее), разрушены бани, прачечная, хлебозаводы и т. д.

Уничтожено 26 зданий больниц и амбулаторий, 33 школы, здания детских учреждений, 31 здание высших и средних учебных заведений по подготовке кадров, 107 промышленных предприятий (среди них льнокомбинат, завод № 35, завод дорожных машин имени Калинина), два крупных моста через реку Днепр и весь железнодорожный узел.

Не оставили в покое фашистские выродки даже крепостную стену — повредили две башни.

Были разрушены памятники древнего церковного зодчества XII—XVII вв. Из зданий религиозного культа уцелел только собор.

Разрушили и разорили здания музеев, увезли памятник Кутузову (бронзовый бюст).

По имеющимся в государственном архиве данным, ущерб за период оккупации по Заднепровскому району составил 516 825 383 рубля, по Красноармейскому району — 215 869 107 руб., по Сталинскому району — 724 794 326 руб.

Суммируя эти данные по трем районам, получаем общую сумму ущерба в целом по г. Смоленску в 1 457 488 816 рублей.

В другом же архивном документе говорится, что общая сумма ущерба, исчисляемая по городу Смоленску, равна 1 174 822 тысячам рублей.

Но фашистские захватчики никак не могли смириться с освобождением г. Смоленска 25 сентября 1943 года.

Фронт уже отступил, город только начал восстанавливаться. Еще не остыли угли пепелищ, а вражеская авиация все продолжала наведываться в Смоленск, неся с собой смерть и разрушения.

В 1993 году в Государственном архиве Смоленской области были рассекречены оперативные сводки Смоленского штаба местной противовоздушной обороны (МПВО) за 1944 год. Каждая строка этих документов передает атмосферу военного Смоленска.

Бомбардировки города 18 мая, 26 и 28 июня 1944 года были особенно жестокими. Как следует из специальных сообщений, под грифом «совершенно секретно», начальника управления НКВД, 17 мая авиация противника совершила 3 разведывательных полета над городом — один ночной и два дневных.

При дневных полетах немецкие летчики придерживались следующей тактики: один самолет оставляет за собой полосу от конденсации паров, вызывая огонь зенитной артиллерии, а другие самолеты, скрываясь на этой полосе на некотором удалении от ведущего, могут разведывать объекты.

Ночной полет был совершен тремя самолетами, которые разрозненно кружили над городом, вызывая огонь зенитной артиллерии с целью разведки активных средств ПВО.

Из этих разведывательных групп два вражеских самолета были сбиты западнее Смоленска, где находилась большая часть зенитных установок городской ПВО.

Ровно через сутки после разведки гитлеровцами был совершен массированный налет на Смоленск, в котором участвовало 78 самолетов «Юнкерс-87» и «Юнкерс-88».

Восемнадцатого мая 1944 года в час ночи с юго-запада, обойдя западные зенитные батареи, появилась первая группа бомбардировщиков и сбросила 60 осветительных ракет на парашютах. В 1 час 05 минут, несмотря на заградительный огонь артиллерии, началась бомбежка. Подполковник Нагорный из командного пункта МПВО дал приказ объявить по городу сигнал «Воздушная тревога». Но из-за отсутствия электроэнергии на линии не сработала радиосирена, а колокол и телефоны не обеспечили полного оповещения жителей о грозящей беде. Кроме того, к моменту нападения не была развернута сеть наблюдательных постов, не выставлены посты групп самозащиты. Все эти просчеты привели к увеличению числа жертв и разрушений.

В течение полутора часов вражеские самолеты летали над Смоленском, заходя на бомбометание 9-ю эшелонами. Ведущие самолеты бросали с высоты осветительные ракеты,

а остальные пикировали в Заднепровскую часть города, где свободно летали на малой высоте, не попадая в зону артиллерийского огня, так как все зенитные установки были размещены на высотах.

В ту трагическую для смолян ночь (18 мая) на город было сброшено свыше 2000 авиабомб и 1500 зажигательных бомб. Часть сброшенных фугасных авиабомб начала взрываться через час после бомбежки.

Картина разрушений после налета оказалась страшной. Было разрушено 42 жилых дома в районе Покровки, восстанавливаемые мотороремонтный и пивной заводы, 4 склада, общежитие школы ФЗО по Старо-Ленинградской улице, два цеха льнокомбината.

На железной дороге было повреждено 27 зданий, 6 паровозов, 1250 метров путей, 70 вагонов.

От взрыва склада боеприпасов на Витебском шоссе было разрушено здание эвакуационного пункта, где находилось около 100 человек. В образовавшемся завале здания бушевал пожар и продолжали взрываться мины и боеприпасы. В результате налета в Смоленске погибло 319 человек и 480 было ранено.

На спасение людей и тушение пожаров направлялись городские части МПВО, противопожарные роты, медико-санитарные отделения групп самозащиты, отряды первой помощи городских организаций. Личный состав этих подразделений работал самоотверженно, вручную расчищая завалы и спасая людей. Рядовая медсанроты МПВО Колкова А. И. оказала первую помощь 20 пострадавшим, причем 12 из них она самостоятельно извлекла из развалин и отправила в госпиталь.

Двадцать шестого июня в 0.40 пополуночи 126 самолетов «Юнкерс-88» эшелонированными группами атаковали город. Главным объектом бомбардировки вновь оказалось Заднепровье — железнодорожный узел и все прилегающие к нему строения. В центральной части Смоленска от возникших пожаров пострадали здания драмтеатра и педагогического института (там располагался госпиталь). За один час бомбардировки на город было сброшено 324 фугасных и более 1500 зажигательных авиабомб. Погибло 109 человек и 206 было ранено.

В третьем массированном ночном налете на Смоленск 28 июня 1944 года участвовало 143 самолета «Юнкерс-88». Прямым попаданием в ходе налета было разрушено здание железнодорожного вокзала, жилые дома на Шклянной горе

и улице Бакунина. Бомбежка длилась 1,5 часа, погибло 47 человек.

**Общая сумма нанесенного ущерба в результате трех налетов составила 11 728 547 рублей.**

В скупых статистических данных спец. сообщений и оперативных сводок Смоленского штаба МПВО навсегда застыли трагические мгновения войны.

### **«НОВЫЙ ПОРЯДОК» В СМОЛЕНСКЕ В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ**

С первых же дней захвата г. Смоленска фашисты установили здесь свой оккупационный так называемый «новый порядок», сопровождавшийся массовыми грабежами, насилиями и уничтожением мирного населения и военнопленных.

Смоленское городское управление (управа) было создано 25 июля 1941 года и состояло из 6-ти человек. К 10 августа его штатная численность увеличилась до 250 человек, среди которых было немало представителей интеллигенции. Управление находилось на Ратушной улице (сейчас ул. Глинки), в здании бывшего Дворянского собрания. В управлении имелось 10 отделов: административный, земельный, городского архитектора, пригородных хозяйств, торгово-промышленный, жилищный, общественного призрения, пожарный, финансовый, образования. Начальником города Смоленска был назначен Б. Г. Меньшагин. В ведении управы находились город Смоленск и Смоленский район. С 1 марта 1942 года Смоленский район был выделен в самостоятельную административную единицу.

Несмотря на сложную структуру и большие штаты, в управлении ни один вопрос не решался без санкции немецкой комендатуры.

Каждый приказ городской управы начинался словами: «Во исполнение и развитие приказа Главного командующего...» или «По распоряжению Полевой комендатуры...».

Одним из первых распоряжений начальника города от 19 августа 1941 года производилась регистрация всего населения Смоленска. Жителям выдавались удостоверения личности единой формы, без которых появление на улице грозило арестом.

Последующие распоряжения городской администрации запрещали смолянам иметь велосипеды, лыжи, голубей. Распоряжением № 5 от 22 августа 1941 года начальник города обязывал жителей в 3-дневный срок сдать коммунистическую литературу, в число которой входили даже школьные учебники и энциклопедические словари.

Со 2-го сентября 1941 г. в Смоленске был объявлен комендантский час и хождение по улицам разрешалось с 6 утра до 19.30 вечера. Запрещался выход за пределы города без разрешения.

В конце августа 1941 года отдел городского архитектора провел регистрацию городских домовладений и проверку прав владений. А в декабре 1941 года комендатура решила переименовать все улицы, площади, переулки города Смоленска. Части смоленских улиц были возвращены дореволюционные названия, а некоторые из них получили новые. Так, площадь Смирнова переименовывалась в Комендантскую, парк культуры и отдыха — в Наполеоновский парк, улица Большая Советская — в Главную, улица Ленина — в Кировскую, улица Октябрьской Революции — в Большую Пушкинскую.

Приводим полные тексты четырех распоряжений начальника города Смоленска Меньшагина от 19, 22, 26 и 30 августа 1941 года.

### **РАСПОРЯЖЕНИЕ № 3 НАЧАЛЬНИКА ГОРОДА СМОЛЕНСКА**

г. Смоленск, 19 августа 1941 года

1. С 25 августа сего года по городу Смоленску будет проводиться регистрация всего населения и выдача удостоверений личности единой формы в дополнение к прежним паспортам.

2. Регистрации подлежат все граждане обоего пола в возрасте от 16 лет и выше, проживающие в настоящее время на территории гор. Смоленска и в его пригородах — Красном Бору и Серебрянке.

3. Для регистрации и получения удостоверений необходима личная явка каждого гражданина в Управление Начальника Города (здание б. Мединститута, против сада Блонье) со следующими документами:

а) Паспортом.

б) Ордером на квартиру (для погорельцев) или справкой адресного стола (для не погорельцев).

в) Справкой Уполномоченного дома о местожительстве и составе семьи.

**ПРИМЕЧАНИЕ:** Гражданам, утратившим свои паспорта во время войны, следует представить вместо паспортов другие равноценные им документы как, например: метрические свидетельства, военные билеты, временные удостоверения и т. п.

4. Сроки явки граждан для регистрации будут объявлены дополнительно.

Начальник города *МЕНЬШАГИН*.

#### РАСПОРЯЖЕНИЕ № 5 НАЧАЛЬНИКА ГОРОДА СМОЛЕНСКА

г. Смоленск, 22 августа 1941 года

Во исполнение и развитие приказа Главнокомандующего германскими войсками, **ПРИКАЗЫВАЮ:**

1. Все граждане гор. Смоленска обязаны сдать имеющуюся у них коммунистическую литературу в течение 3-х дней в здание 20-й школы (рядом с Городским Управлением).

2. Под коммунистической литературой понимается: все книги, брошюры, листовки, содержащие в себе пропаганду коммунистического учения, восхваление его или его деятелей; учебники, за исключением не содержащих в себе коммунистической пропаганды, а также изданных до 1917 года; энциклопедические словари, за исключением технических или медицинских.

3. Книги коммунистического содержания, которые находятся в незанятых жильцами квартирах, обязаны сдать коменданты домов.

4. Лица, не исполнившие данного распоряжения, будут подвергаться ответственности, предусмотренной приказом немецкого командования.

Начальник города *МЕНЬШАГИН*.

#### РАСПОРЯЖЕНИЕ № 7 НАЧАЛЬНИКА ГОРОДА СМОЛЕНСКА

г. Смоленск, 26 августа 1941 года

В целях предотвращения уничтожения архивных материалов **ПРИКАЗЫВАЮ:**

1. Всем учреждениям и лицам, занимающим помещения бывших учреждений города, не уничтожать и не выбрасывать находящихся там архивных материалов, а складывать в отдельные места, защищенные от непогоды и гарантирующие от уничтожения и сообщить об этом в архив города (Соборный Двор).

2. Лица, виновные в уничтожении архивных материалов, будут привлечены к строгой ответственности.

Начальник города *МЕНЬШАГИН*.

#### РАСПОРЯЖЕНИЕ № 11 НАЧАЛЬНИКА ГОРОДА СМОЛЕНСКА

г. Смоленск, 30 августа 1941 года

На основании указаний Местной Комендатуры **ПРИКАЗЫВАЮ:**

1. Со вторника 2-го сентября 1941 г. хождение по улицам гражданского населения разрешается с 6 до 19 ч. 30 м.

2. Появление жителей г. Смоленска на улицах, площадях и вообще оставление жилых помещений с 19 ч. 30 м. до 6-ти часов **СТРОГО ВОСПРЕЩАЕТСЯ**.

Начальник города *МЕНЬШАГИН*.

Всем владельцам торговых и промышленных предприятий города управой было приказано в кратчайший срок укрепить на своих помещениях вывески на немецком и русском языках.

При городской управе было создана биржа труда, которая в принудительном порядке привлекала смолян к различным видам работ (рытье окопов, ремонт дорог, разбор завалов и т. п.). Трудовая повинность распространялась на мужчин в возрасте от 16 до 65 лет и женщин от 17 до 60 лет включительно. Уклонение от работы рассматривалось как саботаж. Например, в декабре 1941 года по приказу немецкой полевой комендатуры к расчистке железнодорожных путей от снега на



ст. Смоленск ежедневно привлекалось 1,5 тыс. человек. В дни «дежурств» каждый гражданин был обязан находиться дома и ожидать сигнала тревоги — вызова на работу; с подачей сигнала (бой колокола, гудок ТЭЦ) кратчайшим путем следовать на ж/д станцию и, получив лопату, кирку или метлу, расчищать рельсы.

Никакие причины неявки или опоздания не принимались во внимание. Самым невинным наказанием за подобный проступок являлось заключение на 15-дневный срок в концлагерь № 126 на западной окраине города.

В период оккупации на плечи мирного населения легло тяжкое бремя налогов. Сборов, налогов и пошлин было несколько видов: налог со строений — 5,5% с суммы страховой оценки; земельная рента — от 5 до 100 копеек с квадратного метра; налог с лошади — 75 рублей; с коровы — 15 рублей; налог с оборота торговли и промышленных предприятий — 2% с суммы оборота и т. д. Кроме того, был введен подушный налог в размере 100 рублей в год с каждого трудоспособного гражданина. Натуральные налоги на мясо, молоко, картофель сокращали и без того скудный рацион смоленских жителей. Население обязывали славить теплую одежду, полотно, овечью шерсть, инструменты, лекарства.

Государственную и колхозно-кооперативную собственность оккупанты объявили трофеем германской армии. В ведении отдела пригородных хозяйств смоленской управы находились подсобные хозяйства: Рачевка, Поповка, Тихвинка, Миловидово, Семичевка. Продукцией, произведенной в этих хозяйствах, снабжались воинские части, расквартированные в Смоленске и области.

Главным рупором немецкой пропаганды в области стала газета «Новый путь» (первоначально «Смоленский вестник»), первый номер которой вышел 15 октября 1941 года. Бессменным редактором газеты был К. А. Долгоненков.

На страницах газеты публиковались сообщения из ставки фюрера, о событиях на фронте и статьи о преимуществах «нового порядка», репортажи о жизни русских рабочих в Германии. Там же размещались распоряжения начальника города, а под рубрикой «Розыск» печатались объявления смолян о розыске родных. В № 44 газеты от 7 июня 1942 года сообщалось о приезде в Смоленск из Берлина автовагона — выставки с экспонатами, фотографиями о жизни немецких ра-

бочих и крестьян. Эта передвижная выставка останавливалась на улице Красного Креста возле немецкого военного госпиталя. В № 31 от 23 апреля 1942 года газета сообщала об отправке нескольких эшелонов смолян в возрасте от 17 до 40 лет на работу в Германию. В заметке указано, что 17 апреля выехали 386 человек, 21 апреля — 400 человек. Среди уезжавших было 5 ветеранов Первой мировой войны, два года отбывших в германском плену. Последний номер газеты «Новый путь» вышел 12 сентября 1943 года.

В период оккупации Смоленской области свободное перемещение жителей из одного населенного пункта в другой было запрещено и хождение разрешалось только по пропускам, выдаваемым военными властями. В архиве сохранились уникальные документы: прошения — пропуска военнопленных смоленского лагеря № 126, направленных работать на городские объекты. Об увольнении бывших красноармейцев из лагеря ходатайствовала городская управа, и она же поручалась за их благонадежность. Прощения оформляли в двух экземплярах — на русском и немецком языках. В них указывались биографические данные и приметы военнопленных. И подобных документов в фонде смоленской городской управы найдется немало.

А вот как выглядел оккупационный Смоленск глазами нашей военной разведки.

Приводим полностью документ:

«Выписка из разведсводки для РО (разведотдела) Западного фронта».

...по состоянию на 1 апреля 1942 года характеризуется следующими данными.

В городе установлен очень строгий режим. В каждом жилом доме выделен комендант, который подчиняется квартальному коменданту. В обязанность коменданта дома вменено ежедневно сообщать о передвижении жильцов дома. Если прибывает новый человек в ту или иную квартиру, то через час в квартиру являются немецкие власти для проверки. При отсутствии соответствующих документов (паспорта, удостоверения личности, справки от волостного старшины или старосты) прибывший задерживается и отправляется в комендатуру.

Торговли в магазинах нет. Рынок функционирует, но торговля производится из-под полы, так как немецкие власти

с 1 марта 1942 года открытую торговлю запретили. На рынке продаются: легкий табак иностранного производства, пачка стоит 8 марок (80 рублей на советские деньги), советская махорка, пачка — 8 марок, молоко литр — 3 марки, спички, коробка — полмарки, соль, (которую очень трудно достать), один граненый стакан — 2 марки. Продающие предпочитают получать за товары и продукты немецкими марками.

Среди крестьян широко распространяется газета «Колокол» и особенно популяризируется новый закон о землепользовании.

В городе работают хлебопекарни, хлебозавод, пивной завод и один цех завода № 35 (авиастроительный), где производится ремонт самолетов.

Рабочие, работающие по найму, получают по 200 граммов хлеба, а иждивенцы их — по 150 граммов в сутки.

К концу февраля 1942 года в г. Смоленске насчитывалось жителей около 42 тысяч человек, причем население в большинстве своем не в курсе событий, происходящих на фронтах Отечественной войны, а если кто и знает, то боится передавать, так как немецкие власти активно проводят шпионскую работу среди местного населения.

По центральным улицам города проход ограничен, на каждом углу стоят комбинированные посты полицейских (из русских в касках) и немецкий патруль. Городская управа расположена против сада Блоньи — рядом с домом, занимаемым городской управой, отремонтировано здание бывшей редакции газеты «Лесная газета», в котором разместилась редакция фашистской газеты «Новый путь».

В здании госбанка размещается комендатура, городское и уездное управления.

В помещении «Новая гостиница» расположен штаб по сельскому хозяйству и заготовкам для немецкой армии.

В здании партактива расположен немецкий штаб войск западного направления.

В здании УНКВД расположена колонна гестапо № 11.

В доме «Железный поток» находится городская полиция, а в здании сберегательной кассы расположен карательный отряд. Другой карательный отряд находится в бывшей трудовой колонии НКВД «Высокое».

Дома Советов, Облсоюза, универмага приспособлены под казармы немецких войск, причем весь воинский гарнизон города переведен на казарменное положение.

Тюрьма (старое помещение) переполнена арестованными, причем есть данные (требующие перепроверки), что большинство арестованных — французы.

Действуют два аэродрома: один из них находится за заводом № 35, а другой — на бывшем аэродроме гражданского воздушного флота.

В дачной местности «Красный бор» (в 7 км западнее г. Смоленска) по направлению к железнодорожной станции «Красный бор» находится громадный склад бензина, а от станции Смоленск — Сортировочная (Орловская товарная) до льнокомбината бензин находился в цистернах и на автомашинах в три ряда.

Склады боеприпасов находились против фабрики-кухни, затем по бровке до железнодорожной станции Смоленск — Сортировочная (Орловская товарная) и на Шкляной горе — северной окраине города.

Лагерь военнопленных расположены в городе около водопроводной башни и в совхозе «Пасово» (в 3-х километрах от города). Среди военнопленных большая смертность.

Еврейское население города сведено в одно место на окраине города (Садки), используется как бесплатная рабочая сила в порядке трудовой повинности, причем евреи обо его пола должны носить на левом рукаве заплатки желтого цвета.

Установлены в городе следующие предатели и изменники Родины:

1. Городской голова Меньшагин, бывший член коллегии защитников при Областном суде.

2. Зам. городского головы Базилевский, профессор Смоленского пединститута.

3. Редактор газеты Долгоненков, бывший член союза писателей.

4. Начальник административного отдела Репухов, бывший офицер царской армии.

5. Начальник торгового отдела управы Васильев (данными о прошлой его деятельности не располагаем).

6. Начальник полиции Умнов.

7. Начальник отдела снабжения управы Андреев.

Верно: майор Брюханов, ст. помощник, начальник штаба истребительного батальона.

А вот что отражено в хранящейся в госархиве справке за 1942 год.

### СПРАВКА

составлена партизанами отряда Борисова — Мозина об оккупированном немецкими войсками городе Смоленске и прилегающих к нему районах с городами Рудня, Каспля и Демидов, 1942 год:

#### 1. СОСТОЯНИЕ ГОРОДА СМОЛЕНСКА И ЕГО ГОРОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

В первый период войны, когда немецкая авиация в июне — июле 1941 года совершала налеты на город Смоленск, ею были подвергнуты бомбежке, главным образом, жилые кварталы, не имеющие никаких предприятий. В результате этих налетов от фугасных и зажигательных бомб были разрушены и сгорели все жилые дома северо-восточной части города, значительно пострадала центральная часть и в некоторой степени южная сторона.

После того, как северная — верхняя часть города Смоленска была занята немецкими войсками и в течение месяца, начиная с 15 июля, происходили бои, город подвергся значительному разрушению от артиллерийского обстрела.

За время нахождения немцев в городе произведены еще значительные разрушения, поскольку по приказу немецкого командования сносились верхние этажи уцелевших зданий в целях обороны и маскировки, и к настоящему времени в городе нет улицы, прилегающей к центральной части, на которой не было бы сильных разрушений и целого ряда выгоревших домов. Почти окончательно немцы разрушили два больших новых дома ИТР.

Разрушены все крупные здания учреждений и советских организаций, разместившиеся на главных улицах: Ленинской, Советской и Социалистической, так, разрушены большие здания: Дом Красной Армии, управление связи, прокуратура, почта, ряд торговых зданий. Значительно пострадали здания Белорусского военного округа с прилегающими к нему нового социалистического типа домами.

Значительно разрушены предприятия: Смоленский льнокомбинат, механический завод № 35, находившиеся в южной части города.

Сильно разрушены здание нового областного драматического театра, выстроенное в 1939 году, и клуб советских торговых служащих. Уничтожен Дом артиста.

Из культурно-просветительных учреждений работает только кино и ставят спектакли в деревянном здании старого театра. Библиотеки и клубы города не работают. Центральная городская библиотека имени Ленина сгорела, а само здание немцами разрушено.

Городская смоленская больница, пострадавшая от налетов и артиллерийского обстрела, в результате хозяйничанья немецко-фашистских захватчиков приведена в окончательное запустение. Крупные здания — общежития медицинского и педагогического институтов полностью сгорели.

Центральная городская баня не работает. Электростанция восстановлена немцами только частично и работает на одну турбину. Городской трамвай не работает.

Смоленский железнодорожный вокзал разрушен.

Побывавший в командировке в городе Смоленске немецкий унтер-офицер в своем дневнике, (отобранном у него партизанами), 17 мая 1942 года сделал такую запись о своих впечатлениях.

«Командировка в город Смоленск. Город почти полностью разрушен. У меня много было свободного времени, воспользовался этим и посетил кино».

#### 2. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА СМОЛЕНСКА И ПРИЛЕГАЮЩИХ К НЕМУ РАЙОНОВ.

Производственные предприятия города Смоленска не работают, кроме пивоваренного завода, кирпичного завода и ремонтных мастерских, организованных немцами в уцелевших зданиях Смоленского льнокомбината и завода «Метиз».

Привлечение рабочих на работу производилось исключительно путем насилия, с применением оружия и при посредстве полицейских. Население Смоленска избегало мобилизации на восстановительные работы, проводимые немцами в период оккупации. Нередки были случаи, что уклонивших-

ся от мобилизации на восстановительные работы и вообще на работы подвергали избиению и порке. Это имело место как в городах, так и в населенных пунктах.

В Смоленске и ближайших населенных пунктах проводилась мобилизация населения в Германию, которая проходила исключительно в условиях запугивания и угроз.

Торговли в городе Смоленске и районах почти нет, если не считать продуктообмена в местах рынков, происходящего между жителями.

Жителям города Смоленска время от времени выдают по 150 граммов хлеба в день, а работающим дополнительно дают горячий обед и 4,5 марки в неделю. Рабочим выдают 400 граммов хлеба в день и 50 рублей в месяц. На получаемые деньги ничего приобрести нельзя. Хлеб в городе Смоленске стоит 5 марок 800 граммов.

Соли, керосина, спичек и мыла нет. Население употребляет в пищу соли минеральных удобрений или обменивает продукты на соль у немецких солдат. Колхозники меняют на овчины, из расчета: овчина на кило соли, а летом меняли ягоды: 1—2 кг за 20—30 граммов соли.

В Смоленске местной печатью очень популяризируется открытие всяких мелких чайнушек, где кроме горячего кипятка, подкрашенного суррогатом, ничего получить нельзя.

Вместе с этим немцы всячески стремятся изъять у населения деньги, особенно крупные купюры, и помимо налогов, введенных в Смоленске и близлежащих к нему районах за удостоверения, справки и домашних животных, взимаются различные сборы за разовые пропуски и т. п.

### 3. РЕЖИМ В ГОРОДЕ СМОЛЕНСКЕ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХ.

Режим, созданный оккупантами в городе Смоленске и прилегающих к нему окрестностях, построен исключительно на произволе, бесчинствах и зверском обращении с населением.

Для городского населения созданы всяческие ограничения, как в смысле пользования жильем, так и коммунально-бытовыми предприятиями и лечебными заведениями. В городе все население находится постоянно на военном или осадном положении, имеет право хождения по городу только в опре-

деленные часы. Для выхода за город требуется специальное разрешение.

Имевшийся в городе парк культуры и отдыха и сад имени Серафимовича в центральной части Смоленска почти полностью уничтожены.

На окраинах города Смоленска имеется 3 или 4 лагеря для евреев. Пищи им не дают. Многие в лагере ходят голые, прикрытые одеялами, даже без нижнего белья, так как имевшуюся одежду променяли на продукты питания. Пьяные офицеры по разрешению коменданта города могут беспрепятственно расстреливать в лагере евреев.

В августе 1942 года многие военнопленные в городе Смоленске были мобилизованы на возведение укрепленных рубежей и по окончании этой работы все расстреляны.

В Смоленске имеются три дома терпимости, куда поступают девушки и женщины из городов Рудня, Красное, Орша, Витебск. Домами терпимости ведает русский доктор. Дома терпимости работают по воскресеньям утром с 10 до 12 часов и вечером с 16 до 18 часов. Перед открытием при входе прибавляется изображение голой еврейки.

### А ВОТ ЧТО СООБЩИЛ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ЧРЕЗВЫЧАЙНУЮ КОМИССИЮ УЧИТЕЛЬ ЧЕРЧЕНИЯ 1-й И 2-й НАРОДНЫХ ШКОЛ ИОНОВ СЕРГЕЙ ФЕДОРОВИЧ 2.10.1943 ГОДА

«Я, Ионов Сергей Федорович, проживающий в городе Смоленске с 1902 года, работал в период оккупации в бывшем музее имени Крупской и с февраля 1943 года по день освобождения работал преподавателем черчения в 1-й и 2-й НСШ.

25 июля 1941 года город Смоленск был оккупирован немцами. До 1 декабря этого года я жил на полученные мною деньги из школы, а 1 декабря 1941 года поступил на работу сотрудником музея при отделе прикладных искусств, где работал по 1 февраля 1943 года. Весь этот период работал под контролем немецких властей.

Сразу после оккупации города немцы в конце марта 1943 года забрали и увезли в Германию редкие картины Бранта «Богдан Хмельницкий», польских художников и все западно-европейские картины, все фарфоровые изделия саксонского и французского производства. Забрали живописные редкие



иконы: Божья мать, Христос в разных видах, Иван Креститель, архангел Гавриил и другие, особенно забраны все ценнейшие, бронзовые редкие вещи XVIII века, различные вазы, люстры и часы Людовика XIV—XV веков и другие вещи в стиле ампир. В здание музея, когда они его разграбили, поселились немецкие солдаты, после чего меня освободили от работы.

В феврале 1943 года работал преподавателем черчения в 1-й и 2-й НСШ. Во второй школе до оккупации училось 422 ученика, при отступлении немцы разграбили все наглядно-учебные пособия, хорошую библиотеку, а также школьный инвентарь; само здание и стены сохранились. В 1-й школе училось 418 человек, в которой учебно-наглядные пособия, библиотека и инвентарь также уничтожены.

В феврале 1942 года меня перебросили в соборную ризницу, где под контролем немцев отбирали остатки различных объектов, которые были отправлены, по слухам, в город Вильно. Золотые, серебряные и другие ценные вещи были забраны немцами, в том числе редкие иконы и церковная утварь.

В августе 1941 года, проходя мимо педучилища, я видел, как немцы выбрасывали парты и другой инвентарь и кололи на дрова для отопления печей.

Учитель черчения 1-й и 2-й народных школ Ионов Сергей Федорович. 2.10.1943 года».

### **ЗВЕРСТВА ФАШИСТОВ И ИХ ПОСОБНИКОВ НАД МИРНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ И ВОЕННОПЛЕННЫМИ В г. СМОЛЕНСКЕ В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ**

Вот очень важный документ:

#### **ВЫПИСКА**

из сборника сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии «О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков по городу Смоленску»

Госполитиздат, 1946 год, стр. 69—77.

В данном сборнике имеется «Акт судебной медицинской экспертизы Государственной Чрезвычайной Комиссии по городу Смоленску».

В акте указывается: «Судебно-медицинская экспертная комиссия в составе: члена Чрезвычайной Государственной комиссии академика Н. Н. Бурденко, судебно-медицинского эксперта Наркомздрава доктора В. И. Прозоровского, профессора кафедры судебной медицины второго Московского медицинского института, доктора медицинских наук В. М. Смольянинова, старшего научного сотрудника судебно-химического отделения Государственного научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР доцента М. Д. Шватковского в период с 1 по 16 октября 1943 года произвела эксгумацию и судебно-медицинское освидетельствование трупов в местах погребения в городе Смоленске и его окрестностях для:

1. установления личности покойных,
2. диагностики причины смерти,
3. определения количества погубленных и сроки давности погребения.

#### **ЗАКЛЮЧЕНИЕ:**

Судебно-медицинская комиссия, основываясь на результатах судебно-медицинских, судебно-химических и спектроскопических исследований, а так же на изучении следственных документов, приходит к заключению:

материалы следствия, количественная характеристика трупов в раскрытых ямах-могилах и изучение участков территорий массовых погребений — делают возможным вывод, что в обследованных пунктах г. Смоленска и его окрестностей количество трупов советских граждан, умерших и погибших в период временной оккупации немцами превышает 135 тыс. человек, распределяясь следующим образом:

1. На территории бывшей Смоленской радиостанции у села Геденоновка — 5 тыс. человек.
2. На территории селения Магалинщина — Вязовенька — 3,5 тыс. человек.
3. На территории плодоовощного хозяйства в Реадовке — 3 тыс. человек.
4. На территории Пионерского (Сосновского) сада — 500 чел.
5. На территории Дома Красной Армии — 1500 человек.
6. На территории концентрационного лагеря № 126 — 45 тыс. человек.

7. На территории малого концентрационного лагеря № 126 — 15 тыс. человек (у завода холодильников).

8. На территории медгородка железнодорожной больницы — 1500 человек.

9. На территории дер. Ясенная — 1 тыс. человек.

10. На территории бывшего госпиталя для военнопленных в общежитии студентов мединститута по Рославльскому шоссе — 30 тыс. человек.

11. На территории концентрационного лагеря у д. Печерск — 16 тысяч человек.

12. На территории Сенная — Ракитня — 2,5 тыс. человек.

13. На территории авиазавода № 35, в районе ст. Красный Бор, совхоза Пасово, дер. Александровка, Смоленская ГЭС, пос. Серебрянка и Дубровенка — 12 тыс. человек.

В период с 1 по 16 октября была проведена эксгумация и судебно-медицинское исследование трупов. В указанных местах было раскрыто 80 мест захоронений (ям и могил), эксгумации и исследования трупов показали, что в могилах на территории бывшей Смоленской радиостанции, Пионерского сада, железнодорожной больницы, д. Ясенная, Дома Красной Армии, авиазавода № 35, бывшего немецкого госпиталя для военнопленных, лесопильного и ликеро-водочного заводов, Сенная — Ракитня и др., находятся лишь трупы, имеющие огнестрельные ранения с ясно выраженными их признаками.

В могилах на территории у селения Магалинщина — Вязовенька и плодоовощного хозяйства в Реадовке обнаружены трупы, имеющие огнестрельные ранения, повреждение тупыми, твердыми, тяжелыми предметами, а также трупы без следов механической травмы.

В отношении части трупов, принимая во внимание показания ряда свидетелей и другие данные, можно утверждать, что причиной смерти могло явиться отравление окисью углерода в специальных автомашинах.

22 октября 1943 года.

Данный материал опубликован в газете «Известия» № 263 от 6 ноября 1943 года. (На основании Постановления Чрезвычайной Государственной комиссии от 6 ноября 1943 года. Протокол № 19).

## ИЗ СПРАВКИ

о массовом истреблении немецко-фашистскими захватчиками пленных бойцов и командиров Красной Армии, а также гражданского населения в Смоленском концлагере № 126

20 июля 1941 года на окраине города Смоленска, по улице Краснинское шоссе, в бывших военных складах № 105 немецким командованием был открыт концлагерь № 126 и по соседству на территории Нарвских казарм — филиал этого лагеря.

Смоленский лагерь № 126 войдет в историю как место величайших злодеяний немецкого фашизма по истреблению советских граждан.

...Помещения, в которых содержались пленные и мирные граждане, представляли собой деревянные, не утепленные, без печей, потолков и полов сараи, внутри которых проникала вода, снег и холодный ветер. Заключенные располагались на земляном полу, постельные принадлежности или хотя бы солома отсутствовали. Вместо нормальной вместимости помещений в 3—4 тысячи человек, немцы загоняли туда до 30 000 человек. Вследствие указанных выше причин, несоблюдения самых элементарных правил санитарного режима, жесточайшего фашистского режима в лагере была огромная смертность.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ БЫВШЕГО ВОЕННОПЛЕННОГО Г. М. ИТУНИНА:

«Как только пленные вступали на территорию лагеря, прямо у ворот производился обыск, изымались часы, бритвы, ножи, плащ-палатки, одеяла и обувь. После этого пленные без всякого учета загонялись в холодные раскрытые бараки, совершенно не приспособленные.

Хлеба давали 150—200 граммов ежедневно (нерегулярно), причем, по словам пекарей, в него добавляли до 50% опилок.

Вследствие этого в громадном количестве появлялись еще более истощающие поносы и голодные отеки и как результат этого — большая смертность. Умирало в день до 300 человек. Каждое утро из барakov умерших, раздетых догола, вытаскивали во двор, где они валялись до тех пор, пока их не увозили специальные команды могильщиков (из 50-ти человек). Хоронили тут же за лагерем, в бесконечно длинной, напо-

минающий ров, могиле, которую, по мере заполнения трупами, удлиняли еще больше, так, что в конце-концов, она протянулась вдоль ограды лагеря длинной лентой...».

...В лагере существовал зверский закон, при котором все пленные должны были работать обязательно. С теми военнопленными, которые заболели, подолгу возиться не разрешалось, их просто бросали на произвол судьбы и они умирали из-за отсутствия ухода, лечения и питания.

Для этой категории военнопленных существовал специальный барак № 2, который военнопленные называли «барак смерти». На третий день после невыхода на работу больных отправляли или расстреливали».

#### ИЗ ПОКАЗАНИЙ ВОЕННОПЛЕННОГО Г. М. ИТУНИНА:

«...Военнопленных ежедневно гоняли на работы в город, а тех, кто не в состоянии был выходить из-за болезни или ранения, немцы оставляли в бараках без пищи. Каждый военнопленный знал, что раз заболел, значит он должен погибнуть голодной смертью...

...В лагере был организован полицейский режим. Все бараки были изолированы друг от друга колючей проволокой. Никто не имел права переходить из барака в барак. В каждом бараке была команда полицейских во главе со старшиной. Эти команды были полными хозяевами в бараках. Запрещалось вести какие бы то ни было разговоры между военнопленными, в противном случае полицейские разгоняли их и избивали палками. Все было пронизано шпионажем и доносом. В задачу полицейских входило выявлять политсостав Красной Армии и евреев, а также работников НКВД.

...От истощения на почве голода, от эпидемий тифа и дизентерии, замерзания, изнурительных работ и кровавого фашистского террора в лагере за время его существования с 20 июля 1941 года по 25 сентября 1943 года погибло 60 тысяч человек бойцов и командиров Красной Армии.

Лагерь военнопленных № 126 в городе Смоленске был пересыльным, и сюда прибывали военнопленные со всего центрального фронта. В пути следования фашистские конвоиры по приказу своего командования учиняли массовые расстрелы военнопленных, а также расстрелы отстающих вследствие переутомления, болезней или ранений».

#### ИЗ ПОКАЗАНИЙ ГРАЖДАНКИ П. В. АНДРОНОВОЙ:

«...13 октября 1941 года в районе поселка Семлево, в лесу я была взята в плен. Всех взятых в плен немцы стягивали в город Вязьму, а затем большими партиями отправляли по маршруту Вязьма — Дорогобуж — Ельня — Смоленск. В пути следования по указанному маршруту немецкие конвоиры очень зверски относились к русским военнопленным. За все время этапа, то есть с 13 октября по 21 октября 1941 года, военнопленные не получали никакой абсолютно пищи. Гнали, как стадо скота, заставляли плотно прижиматься друг к другу. Тех, кто пытался выходить на ходу по естественным надобностям или сорвать что-нибудь в поле или огороде для еды, на месте немецкие конвоиры расстреливали. Расстреливали также и тех, кто по слабости, от истощения или по болезни и ранению отставал.

...В январе месяце 1942 года немцы гнали военнопленных из города Вязьмы. Когда пленные перешли мост через Днепр и стали разбегаться, немцы открыли по ним стрельбу и убили свыше 500 человек...».

В начале 1942 года в «Большом» лагере появился сыпной тиф в больших размерах. Для изоляции больных в казармах, в районе Б. Чернушенской улицы (окраина города) был организован второй лагерь под названием «Южный» или «Малый» лагерь. Сюда направлялись все больные тифом из «Большого» лагеря.

Жизнь военнопленных в «Малом» лагере по условиям и питанию не отличалась от жизни в «Большом» лагере, напротив, для больных там было тяжелее. Очень часто больных обнаруживали замерзшими. Смертность зимой 1941—1942 годов достигала колоссальных размеров.

...В концлагере № 126, кроме военнопленных, в бараках № 5, 6 и 7 содержалось также и гражданское население из окружающих районов, которое было изъято и заключено в лагерь за поддержку партизанского движения и саботаж мероприятий немецко-фашистских властей. Условия содержания этой части заключенных были еще хуже, чем военнопленных; продовольствием они не снабжались, должны были жить за счет передач родственников из окружающих районов... Часто и этих передач не попадало заключенным, так как лучшие продукты забирались гестаповцем Гиссом и его шайкой.

Вследствие тяжелых условий содержания в лагере среди гражданского населения смертность от голода, тифа, дизентерии, холода была даже выше, чем среди военнопленных.

Чтобы фальсифицировать большее количество военнопленных, гестаповцы произвольно из числа гражданского населения переводили в «военнопленных» и оставшихся в живых угоняли в Германию...

«С момента прибытия в лагерь № 126 я почти ежедневно видел, как в лагерь пригоняли по 50 и больше человек гражданского населения. Из бесед с этими гражданскими лицами мне известно, что они забирались в лагерь немецкими военными властями из населенных пунктов, где были партизаны. Особенно большими партиями начали загонять в концлагерь № 126 немцы гражданское население в начале 1942 года. В этот период в лагерь прибывали этапы по 500 и 1000 человек гражданского населения.

Начальник оперативного отдела УНКВД Смоленской области, майор государственной безопасности — Сычев.

21 октября 1943 года».

### ИЗ СПРАВКИ

о массовом истреблении немецко-фашистскими захватчиками пленных бойцов и командиров Красной Армии, а также советских граждан в Смоленском госпитале для военнопленных

После оккупации в июле 1941 года немецко-фашистскими войсками города Смоленска представители немецкого командования в здании фельдшерской школы, находящейся по улице Киевское шоссе, открыли госпиталь для бойцов и командиров Красной Армии, а также для советских граждан.

Немецкие захватчики, открыв госпиталь, создали в нем невыносимый режим, направленный на систематическое истребление больных и раненых.

...Здание, в котором был открыт госпиталь, своему назначению не соответствовало, во многих окнах не было стекол, причем немцы сняли паровое отопление. Кубатура здания позволяла разместить в нем не более 1000 человек, однако число больных и раненых доходило до 4500 человек, в связи с этим больные размещались в коридорах и подвальных помещениях.

Госпиталь койками, постельными принадлежностями и другим инвентарем снабжен не был, поэтому раненных клали прямо на пол. Нормальное питание отсутствовало, больные получали полуголодный рацион, состоящий из 200 граммов хлеба, смешанного с древесными опилками, супа из зерна ржи, овощных очисток или гнилого картофеля.

...Содержались они в антисанитарных условиях, в зимнее время в неотапливаемых помещениях, смертность среди них достигала до 200 человек в сутки, и поэтому с 20 июля 1941 года по 25 сентября 1943 года погибло более 25 000 человек.

### ИЗ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЯ Д. А. НАРИЦЫНА:

«...Условия в нашем госпитале были исключительно антисанитарные. От вшивости с декабря 1941 года до августа 1942 года свирепствовала эпидемия сыпного тифа. От сыпного тифа, замерзания и, главным образом, от истощения в госпитале ежедневно умирало 150 — 200 человек; по моим подсчетам, за все время с 1941 по 1943 год в этом госпитале умерло не менее 5000 человек военнопленных».

### ИЗ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЯ Т. А. ИВАНОВА:

«...За период с октября месяца 1941 года по май месяц 1942 года в госпитале военнопленных умерло около 20 000 человек от истощения и зверского избиения, трупы их были закопаны в ямы в 150 метрах от госпиталя».

### ИЗ СПРАВКИ

о массовых расстрелах немецко-фашистскими захватчиками пленных бойцов и командиров Красной Армии на улицах города Смоленска в октябре месяце 1941 года

После освобождения 25-го сентября 1943 года города Смоленска от немецко-фашистских захватчиков жители города Смоленска... сообщили Комиссии о массовом зверском расстреле немецкими захватчиками пленных бойцов и командиров Красной Армии, совершенном ими в ночь на 20-е октября и днем 20 октября 1941 года на главных улицах города: Советской, Рославльском шоссе и Киевском шоссе



и одновременно указали места, где немцы зарыли расстрелянных.

Допросом 20 свидетелей факты, приведенные в заявлениях, полностью подтвердились. Кроме того, по указанию очевидцев, в Сосновском саду (около крепостной стены в центре города) обнаружена могила размером 55 × 5 м, во дворе Дома Красной Армии трупы были зарыты в окоп размером 20 × 3 метра.

Всего в ночь на 20 октября и днем 20 октября 1941 года немецкие захватчики расстреляли не менее 5000 человек пленных бойцов и командиров Красной Армии.

#### ИЗ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЬНИЦЫ АГАФОНОВОЙ ПЕЛАГЕИ ЛАВРЕНТЬЕВНЫ ОТ 9.10.1943 г.:

«Пленных бойцов и командиров Красной Армии немцы ночью гнали через город по Московской и Советской улицам. В центре города немцы устроили расстрел военнопленных. Всю ночь были слышны выстрелы из автоматов и душераздирающие крики о помощи, но выйти и посмотреть было невозможно, так как хождение по улицам города в ночное время каралось расстрелом. Рано утром я вышла посмотреть. На Советской улице увидела трагическую картину: на протяжении примерно 2-х километров по всей Советской улице и далее по обеим сторонам дороги лежали трупы с разбитыми головами и обезображенными лицами.

Около здания Сбербанка на Советской улице стояли две большие грузовые немецкие автомашины, нагруженные выше кузовов трупами военнопленных, расстрелянных немцами, кровь из автомашин стекала на тротуар и дорогу, где стояли лужи крови.

Подбор трупов и погрузку на автомашины производили русские военнопленные».

#### ИЗ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЯ ТИХОНОВА ЯКОВА ГРИГОРЬЕВИЧА ОТ 10.10.1943 г.:

«В октябре месяце 1941 г., не помню какого числа, по городу ночью гнали большую группу военнопленных. Когда пригнали в центр города, то учинили кровавое побоище, по всем главным улицам: Советской, Рославльской, Киевское

шоссе, Дзержинской и другим, в упор расстреливали военнопленных и избивали прикладами. Всю ночь были слышны из квартиры автоматная стрельба, стоны и крики военнопленных. Утром выстрелы и стоны военнопленных утихли, я вышел из квартиры и, проходя по площади Смирнова, видел по всем улицам лежавших расстрелянных военнопленных красноармейцев, кровью были залиты все главные улицы.

После расстрела немцы выводили из лагерей военнопленных и весь день убирали с улиц расстрелянных. Всего в одну только ночь немцами было расстреляно на улицах не менее 5000 человек».

#### СВИДЕТЕЛЬСКОЕ ПОКАЗАНИЕ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ЧРЕЗВЫЧАЙНУЮ КОМИССИЮ

«Я, Трушкин Александр Константинович, 1925 года рождения, житель города Смоленска, отбыл 15 дней в гитлеровском лагере немцев по улице Краснинской. В лагерь был посажен за то, что два дня не выходил на работу. Работал в дорожном отделе каменщиком. В лагере был установлен следующий режим: подъем в 5 часов утра, с 6 до 7 часов работа — выгрузка дров из реки Днепр, норма — 2 тарки на человека: 12 кубометров. С 12 часов до 12.30 — перерыв. В 17 часов возвращались в лагерь. С 17 до 18 часов — обед. После обеда — уборка во дворе. Отбой в 20 часов. Выдавали в день 100 граммов хлеба, 1 литр супа. Больше ничего не давали. Если нормы не выполнили, то срок пребывания в лагере увеличивался на 3 дня. За всякую недисциплинированность и проступки срок увеличивался на 3 дня. На работу гоняли под конвоем полицейских.

В лагере был со 2.09 по 15.09.1943 года. В это время в лагере было 48 человек. Заключенных избивали за малейшую провинность. Владимира по кличке Комар двое полицейских избили ремнями — пряжками так, что вся спина была синяя. Избиение происходило на глазах у всех заключенных лагеря. Избили за то, что не пошел за луком, был болен, болела нога. У всех было бесчисленное количество вшей и блох.

В лагере было много заболеваний, медицинской помощи никакой не оказывалось. Я сам провалился между плотами



и ушиб ногу. Она стала пухнуть. Я обратился к начальнику лагеря Ефимову, чтоб направил к врачу. Он отказал, заявив при этом — побудешь здесь два дня и все пройдет.

Посторонним стоять около проволоки не разрешалось.

Работал каменщиком дорожного отдела. Рабочий день был установлен 8 часов, работы было много, а платили 10 рублей в день. Выдавали 300 граммов хлеба в день, полкило соли в месяц, полпуда картошки в месяц (мороженой) и больше ничего. За все время работы получил 2 коробка спичек.

В частных столовых Жилкина и Соколова было все очень дорого: пирожное — 5 марок (50 рублей), стакан кваса — 1 марка (10 рублей), порция мороженого — 1,5 марки, гуляш — 4,5—5 марок, свинина, 100 граммов — 5 марок, водка, 200 граммов — 28 марок (280 рублей), яйцо — 3 марки (30 рублей), винегрет — 2 марки, порция холодного — 4 марки, маленькая жареная плотва, одна штука — 4 марки, порция хлеба, 100 граммов — 1 марка.

29.09.1943 года».

#### «РЕЛИКТЫ ВОЙНЫ», Л. КОТОВ

Недавно в парижском издательстве «Имка-Пресс» вышла в свет на русском языке книга с воспоминаниями Б. Г. Меньшагина — смоленского адвоката, ставшего в годы фашистской оккупации бургомистром Смоленска. Неведомыми путями она была распространена в нашей стране. Автор этой книги преподносится издателями как подвижник, который всю жизнь защищал людей и даже в годы войны спас от смерти три тысячи человек.

Каков был на самом деле этот защитник, мы сможем узнать, проследив его дела хотя бы на примере трагической страницы из истории Смоленска, связанной с уничтожением ГЕТТО.

Как было уничтожено Смоленское ГЕТТО.

Гетто — слово итальянского происхождения, сейчас мало кому известное. Недавно в двух молодежных аудиториях (около 150 человек) на мой вопрос, знают ли слушатели значение этого слова, никто не смог даже приблизительно объяснить его значение. Забыто слово, ушло из памяти.

А может это и к лучшему? Слова тоже стареют, ветшают, выходят из употребления — заметил один из моих коллег —

журналистов. — Да и зачем держать в памяти реликты войны? Молодежи это совсем ни к чему, у нее своих проблем хватает.

Реликты войны..., проблемы молодежи...

И подумалось: пройдет еще совсем немного времени и война станет совсем далеким и забытым прошлым... И может все начаться с начала. В суете жизни, подогреваемой спекуляциями на прошлом, начнут не в памяти, а наяву всплывать реликты войны... Впрочем, это уже происходит. В Прибалтике разрушают памятники советским воинам, сооружают мемориалы на могилах эсэсовцев... В Западной Украине устраивают народные марши бывших бендеровцев, совсем недавно обгабивших руки кровью своего народа... Что это — беспамятство и невежество? Что за этим стоит: возрождение национального самосознания или разрушение интернационального единения народов? Кому это выгодно? Почему люди, объявляющие себя демократами и борцами за народ, извращают его историю, спекулируют на ее «белых пятнах», кощунствуют над памятью своих же сородичей, павших в борьбе с фашизмом?

Мы вернемся к этим вопросам, а пока поговорим о гетто.

Понятие гетто пришло в наш XX век из далекого средневековья. Так в старину во многих городах Италии, Германии, Чехии называли кварталы или предместья, объявлявшиеся «чертой оседлости» для евреев — ремесленников, торговцев, врачей. Цивилизация похоронила гетто. Слово это забылось, стало реликтом. Возродили его нацисты, превратившие гетто в лагеря уничтожения евреев.

Чудовищно, но факт: люди хладнокровно и расчетливо уничтожали себе подобных только за то, что они принадлежали к другой расе...

На пороге Второй мировой войны — 30 января 1939 года — Гитлер пророчески заявил, что новая война завершится «уничтожением еврейской расы в Европе». И это была не простая фраза. В июле — августе 1941 года, сразу же после вторжения в СССР, ведомство Гимmlера подготовило ряд организационных, практических и материальных мероприятий по осуществлению поставленной цели — «окончательному решению еврейского вопроса». Понятие «окончательное решение», — нацистский синоним слова «уничтожение». Нацисты считали себя сверхкультурными людьми и не употребляли слов — расстре-

лять, казнить, сжечь, убить. В обиходе были синонимы этих понятий — устранить «нежелательных лиц», «подвергнуть спец-обработке», провести особую акцию и т. д.

Непосредственное осуществление этих преступных акций на оккупированных территориях было поручено ведомству Гиммлера, для чего были созданы специальные формирования из лиц, отобранных в войсках СС, гестапо, полиции безопасности и службы СД — айнзатц — группы, подразделявшейся на айнзатцкоманды (оперативные команды) и зондеркоманды (особые команды). Те в свою очередь делились на еще более мелкие группы — тайлькоманды.

В Смоленске разместился штаб айнзац группы «Б», приданной группе армий «Центр», и самостоятельно действовавший отряд полиции безопасности «Смоленск».

Истребление евреев проводилось изуверскими методами: в ряде населенных пунктов их умерщвляли сразу же после захвата местности; там же, где вермахт нуждался в рабочей силе, евреев собирали в гетто и уничтожали постепенно — «посредством труда». Как это происходило, видно на примере трагической судьбы гетто в Смоленске.

В вышеуказанной книге воспоминаний бывшего адвоката и Смоленского бургомистра Б. Г. Меньшагина я напрасно искал какие-либо сведения о гетто в Смоленске, хотя книга эта объемная, с приложениями, обильными комментариями и справочным аппаратом, как полагается в любом научном издании, претендующем на достоверность изложения материала, Меньшагин с завидной точностью в деталях — именах, датах, отдельных мелких фактах — описал довоенное время, когда он выступал защитником на судебных процессах в Смоленске, поведал о своем сидении во Владимирской тюрьме в послевоенное время, на трех страницах (из 132-!) кое-что существенное, по мнению издателей, рассказал о «Катынской трагедии». А о том, как 15 июля 1942 года в Смоленске было уничтожено гетто, о своей блистательной деятельности «на посту бургомистра» города, а точнее Начальника города Смоленска (это далеко не совпадающие понятия) — ни слова. Лишь в комментариях одного из издателей Г. Суперфина приведены некоторые подробности на этот счет. Книга растиражирована газетой «Русская мысль», ходит по рукам, ею пользуются доверчивые историки и некоторые падкие до сенсации журналисты. В ней, по мысли издателей, подается

мировой общественности еще одно «свидетельство» о преступлении энкаведистов в 1940 году в Катынском лесу» против польских офицеров, об их жестокости и антигуманности в обращении со своими жертвами, в данном случае — с почти «безвинным» адвокатом из Смоленска, который, якобы, всю жизнь защищал людей и даже спас от гибели тысячи человек (в приложении дано письмо Б. Г. Меньшагина, датированное 6 января 1980 г., где есть самооценка прошедшей жизни; «возвращение нескольким тысячам людей свободы, в т. ч. в годы войны более 3-м тысячам приносило радость»).

Эти строки Меньшагинского письма более чем сомнительны Смолянам-старожилам, пережившим черные дни оккупации, своими глазами видевшим, как безжалостно убивали на улицах города тысячи военнопленных, как было уничтожено 1800 ни в чем не повинных стариков, детей и женщин, никогда не поверят в правдивость этих слов. Личность Меньшагина нам хорошо памятна. Мы еще вернемся к ней.

Да, издатели потрудились на славу. Вытащили на свет божий воистину реликты войны, казалось, давно всеми забытые и выброшенные на свалку истории имена Меньшагина, Умнова, Гандзюка, Пасхина (он же Максимов), Кончаловского (он же Сошальский). Список этот можно продолжить, вспомнить Алферчика, Околовича, Витушко, деникинского полковника Бердяева, Наровского, Швайко, Калюкевича, Миллера. Все они из одной обоймы — ближайшие помощники и единомышленники Меньшагина, лакейски пресмыкавшиеся перед оккупантами, вместе с ними творившие черное дело.

Габриель Суперфин, как говорили когда-то наши предки «ничто-же сумняшеся», отмечает: «Сам Меньшагин неохотно говорил о службе немцам. Может быть, он избегал щипетильных тем, опасаясь нового срока, а может быть, боялся назвать кого-то, кому мог бы своими лишними словами повредить...». Ну почему же повредить? Назвал бы одного — другого из трех тысяч, которых он спас в оккупированном гитлеровцами Смоленске... Нет, господин Суперфин, не в этом причина молчания Меньшагина о своей службе оккупантам. На следствии (судя по некоторым материалам смоленского архива) он был очень словоохотлив, называл всех коллег по совместной службе, более того — помогал вспоминать другим грехи свои (Заречину, Пастернаку, например). Постараемся

вспомнить пробелы в опубликованных воспоминаниях Меньшагина, причем, не будем манипулировать мемуарами его соучастников, как это делают издатели книги. В этом нет нужды, так как «автор» книги оставил для истории обширное документальное наследие (о том, что оно сохранилось, Меньшагин не знал). Это его приказы по городскому Управлению, статьи в газету «Новый путь», доклады в полевую комендатуру и начальнику отдельного отряда полиции безопасности и СД обершарфюреру Масскову.

Сохранились даже письма Меньшагина Адольфу Гитлеру и генералу-фельдмаршалу Фон Боку (командующий группой армии «Центр»). Любопытные документы. Мы их еще процитируем.

А пока вернемся к судьбе гетто.

Гетто было создано в первые дни оккупации Смоленска. Занималась этим полевая комендатура, та самая, которая организовала и городское Управление во главе с Меньшагиным. Старожилы помнят: среди приказов немецкого военного командования, распоряжений местного коменданта, которыми были обклеены тогда стены многих угловых зданий, особенно четко выделялось набранное крупно, жирным шрифтом объявление: евреям с вещами собраться в гетто. И далее указывался маршрут в Садки (северо-восточная окраина города в Заднепровье). Полевая жандармерия с помощью «местных активистов» из городского Управления (ими, кстати, руководил Глеб Умнов, преподаватель техникума связи, которому по рекомендации Меньшагина было поручено формировать городскую охрану — отдел горуправы — преобразованную позднее в городскую стражу) — очистила от населения большой квартал (около 80 частных домов) возле еврейского кладбища, обнесла его колючей проволокой. Уже 5 августа 1941 года, т. е. неделю спустя после прекращения боев за Смоленск, гетто начало функционировать.

Гетто возглавил Совет во главе с известным в Смоленске зубным протезистом Пайсоном, с которым Меньшагин «имел сношения» и решал вопросы, касающиеся евреев.

Первоначальная численность гетто была незначительной. Шли туда добровольно лишь те, кто был из-за пожаров лишен крова и не имел надежных связей в городе. Городская охрана Глеба Умнова (сначала десятка полтора — два набранных добровольцев, освободившихся из захваченной немцами тюрь-

мы) вместе с фельджандармерией вылавливала евреев и загоняла их в гетто. В архивных источниках относительно численности гетто в Смоленске мелькают цифры 2—2,5 тысяч человек. Несомненно, обитателей гетто было значительно больше. К 15 июля 1942 года в нем оставалось около двух тысяч человек. Но достоверно известно, что за минувшую зиму в гетто умерло несколько сотен человек. Умирали от болезней и голода...

О жизни и быте обитателей гетто известно многое. Жили скученно, по 5—6 семей в доме. Хлебный паек выдавали только работающим — 200 граммов в день. Кормились подачками, меняли у крестьян личные вещи, одежду на продукты питания. По городу евреи ходили с желтыми доскутами, нашитыми на спину или рукав.

Мне врезалась в память одна сцена. Неподалеку от мелькомбината, где жила наша семья, в бывшем клубе размещалась немецкая казарма. В помойке возле нее роются два подростка, — мальчик и девочка лет 14—15. Помойка богатая, ведь в казарме живут солдаты, занятые на хлебозаводе... Подростки увлеклись и не заметили, как к ним почти вплотную подошел немец с помойным ведром в руках. Остановился, вынул из ведра куски хлеба и бросил под ноги, улыбаясь, повторил: «Брот, брот, гут, брот...» (хлеб, хлеб, хороший хлеб...). Паренек приблизился и стал собирать хлеб в холщевую сумку, висевшую на шее. Солдат тут же опорожнил ему на голову помойное ведро и ударил несчастного носком кованого сапога. «Юде, никс брот!», — с гогом кричал он, радуясь своей изуверской выходке. Тут надо сказать, что разные были немцы. Встречались и доброжелательные, сочувственно относившиеся к населению и к евреям тоже, помогавшие в меру своих возможностей. Но были и такие, как этот садист, униживший человеческое достоинство и избивший подростка лишь за то, что он еврей. Эта сцена тоже реликт войны. Но разве можно ее забыть, выбросить из памяти?

Поначалу Управление города взяло на учет работоспособных евреев. Через биржу труда мастеровые, ремесленники стали получать работу (даже комендатура выдала несколько патентов евреям — портным и сапожникам). Но в начале ноября 1941 года Меньшагин получил, для сведения и руководства, директиву из полевой комендатуры № 813, озаглавленную: «Касается евреев». Советник Военного Управления Феллензик



пишет, адресуясь к руководству местных комендатур округа: Согласно распоряжению Хозяйственной инспекции за № 50023/41 от 22.10.1941 г. должно быть немедленно проведено исключение евреев из списка безработных. Предписать воинским частям, немедленно уволить работающих у них евреев... После исключения из списков у евреев должны быть отняты все инструменты и взяты на хранение Управлением начальника города. Бургомистр должен согласовать это с Биржей Труда, отдать конфискованные инструменты ремесленникам арийцам... Найденное у евреев сырье, которое может быть обработано, конфискуется и сохраняется. Все евреи должны быть в гетто.

Этот любопытный документ хранится в рабочих бумагах Меньшагина. На нем его собственноручная пометка: «То. Доложить о патентах, выданных евреям 9.11.1941 г. Б. М-Н» Входящий регистрационный № 61.10/11.1941 г.

Мог ли Меньшагин рассказать Г. Суперфину, как реализовывалась эта директива? Конфискацию инструментов и сырья в гетто проводила полевая жандармерия под контролем лейтенанта Опеца с участием городской стражи, возглавляемой Глебом Умновым. Операция прошла успешно. Конфискованное имущество было доставлено на склад городского Управления № 1.

В директиве есть еще одно указание: отныне евреям запрещается «менять местожительство или квартиры, выходить куда-либо за границы своей общины. Нарушения будут сурово наказаны. В дальнейшем евреи должны быть собраны в отряды для принудительных работ и должны получать наиболее трудные работы». Из докладов Меньшагина в комендатуру и полицию безопасности видно, что отныне в отдел очистки города (руководил Г. Я. Околович — лидер эгнэсовцев) ежедневно прибывала рабочая колонна из гетто численностью в 1000 человек, использовавшаяся на наиболее тяжелых и грязных работах. Чистили улицы, выгребные ямы, разбирали разрушенные кирпичные здания.

В Смоленске живет чудом уцелевший узник гетто Владимир Иосифович Хивзер. Беседуем с ним: «Мне было тогда 14 лет. Мал ростом и худ от природы, а в гетто совсем отощал, едва ноги переставлял. Но меня числили взрослым, посылали на работы. С вечера приходил человек из Совета гетто и указывал, где и в какое время рано утром собираться,

куда погонят на работу. Часто гоняли нас на вокзал мыть и чистить вагоны после выгрузки раненных, прибывавших с фронта, таскали шпалы, разгребали балласт. За малейшую провинность — удары по спине, зуботычины. Больно вспоминать...»

Гетто немцы «чистили» не раз и не два. За малейшую провинность — штраф. А сколько костюмов, модной женской одежды пошили портные гетто по заказам комендатуры и Меньшагина? Сколько сапог и туфель стачали искусные сапожники? Разве об этом Меньшагин мог рассказать Г. Суперфину?

Меньшагин в высшей степени соответствовал своему назначению: он был адвокатом, защитником. И первый естественный импульс в любых условиях и обстоятельствах для него заключался в том, что надо защищать людей. Он старался выполнить эту задачу в период массовых репрессий тридцатых годов, он принял на себя эту миссию, когда пришли немцы». Это пишет Габриэль Суперфин (московские журналисты мне сообщили: Габриэль Суперфин и Наталья Горбаневская — борцы за свободу советских евреев!), автор комментариев, знавший Меньшагина лично, и, видимо, не раз беседовавший с ним.

Господин Суперфин, Вас обманул Меньшагин. Оценка, которую Вы дали его личности, цинична и кощунственна по отношению к памяти тысячи советских людей, в том числе и к узникам Смоленского гетто.

В архиве сохранился документ — доклад Меньшагина все тому же начальнику Отдельного отряда «Смоленск» обершарфюреру СС Масскову, направленный накануне уничтожения гетто.

Прочитируем этот весьма любопытный документ:

«В гетто по распоряжению комендатуры изъято 60 комплектов постельных принадлежностей, швейных машинок — 3. За несвоевременную сдачу постельных принадлежностей еврейский совет оштрафован на 5000 рублей».

Контрибуция! Разве адвокат Меньшагин не знал, что контрибуции запрещены международным правом? Судьба узников гетто уже была решена, назначен день массовой экзекуции. А Меньшагин принимает решение взыскать со строптивых контрибуцию! Как это можно назвать, если не злодейством!



В ночь с 14 на 15 июля 1942 года отряд жандармерии с участием городской стражи, возглавляемой первым заместителем начальника города Г. С. Гандзюком и начальником политического отряда стражи Н. Ф. Алферчином, окружил гетто. Владимир Иостфович Хивзер рассказывает:

«Началось ночью, где-то в первом часу, когда все мы после изнурительного рабочего дня спали.

В начале появились автомашины и рассредоточились по проулкам и между домами. Никто этому не придал особого значения, не обратил внимания. Уснули. Вдруг меня тормозит мама: «...Володя, Володя, проснись...»

Открываю глаза, встаю... С улицы доносится шум, слышатся вопли женщин, крики детей. Что происходит? «Нас выселяют», — сказал кто-то.

— Куда, почему ночью?...

Часа в три ночи ворвались в наш дом: «Выходите! Быстро выходите! С собой взять только одежду...». Вижу немецкого жандарма с бляхой на груди и полицейских с карабинами. Толкают в спину прикладами, гонят на улицу.

Гетто очищали поэтапно. Очистят сколько-то домов, сгонят к перекрестку улиц на площадь, освещенную фарами автомашин, построят. Отделяют крепких мужчин и уводят. Остальных грузят в автомашины, увозят. Были три или четыре автомашины-душегубки... Мы с мамой стояли у самого откоса. Внизу по склону холма было большое картофельное поле, спускавшееся к нефтебазе. Мы видели, как сажали в «душегубки» женщин и детей. Вот скоро и наш наступит черед... Какое-то оцепенение, безразличие сковало душу. Мама тихо плачет... Вдруг она говорит мне:

«...Володенька, сынок, беги, беги, родной...»

Я оглянулся, поблизости нет охраны, и рванулся к картофельному полю. Метров восемь, может больше, пробежал и упал в борозду, прополз чуть и замер, уткнувшись в землю. Так я пролежал до утра и почти весь день, пока все стихло. Ничего больше не видел, только слышал крики, шум да гул моторов нагруженных людьми машин, уходивших из гетто».

Володе повезло. Он благополучно добрался до Днепра, прошел берегом до переправы, оказался на левобережье, в южной части города. Куда идти? Дом возле сенной площади, где жили до войны, сгорел, соседи разбрелись. Оказавшись возле Чертова рва за улицей Запольной, увидел домик.

Вспомнил, что тут он бывал со своим отчимом до войны, здесь жил его товарищ по работе. Постучался. Семья столяра Гредюшко приняла мальчика. Накормила, спрятали. Володе повезло и дальше. Через несколько дней неожиданно сыскался отчим, бежавший из плена. Они вместе покинули Смоленск, ушли в Монастырщинский район. Там случайно встретились с партизанской группой Грицкевича. Началась другая жизнь — Володя стал партизаном 2-й Клетнянской партизанской бригады. После освобождения — суворовское училище, однако это уже другой рассказ...

Говорят, спаслись и другие узники гетто. Возможно. Прочитают эту статью — откликнутся. И мы сможем узнать новые детали, новые подробности о том, как погибло гетто.

Меньшагин не пожелал рассказать о том, как погибло гетто, а ведь он знал куда больше Володи Хивзера.

Узников гетто вывозили в район деревни Магалинщина Корохоткинского сельсовета, где на опушке Вязовеньковской рощи заранее была приготовлена глубокая и длинная траншея. «Детей бросали в яму живыми, туда же сваливали трупы, доставленные машинами-душегубками, и трупы расстрелянных», — говорится в акте Чрезвычайной государственной комиссии.

Есть и другой документ — признание свидетеля и участника расправы над людьми, бывшего агента отдела Алферчика — Владимира Фридберга, скрывавшегося под фамилией Николаев. В мае 1945 года он рассказал Военному Трибуналу: «Я лично на машине выехал с 30 евреями по Московскому шоссе на 10—15 км и 3 км в сторону, в лес, где уже была приготовлена яма. Всех 30 евреев выстроили лицом к яме, после чего немецкий офицер из жандармерии построил сзади в ряд полицейских, где был и я. Кроме полицейских, были построены и немецкие солдаты на расстоянии 60 шагов. По команде дали залп по евреям... Всех расстреляли одним залпом». Он назвал соучастников преступления. Среди них были Алферчик, Швайно, Миллер, Ерофеев, Калюкович и другие.

Владимир Фридберг, еврей по национальности, служил в полиции под фамилией Николаев. Дело тут не в национальности, выродки есть у каждого народа. Меньшагин — русский, Алферчик — белорус. Швайко — украинец, Калюкович — поляк, Миллер — немец, и т. д. Дело в нравственной, моральной чистоте души человека, в его идейных убеждениях. Фридберг

получил заслуженное возмездие — после войны был арестован и по приговору трибунала расстрелян как военный преступник. Швайко укрылся в Канаде, Миллер в Бразилии, Алферчик в Австралии, Ерофеев в США, Калюкевич в Аргентине. Но где бы они ни прятались, им не уйти от всенародного презрения, от ответственности за содеянные преступления. И как бы ни лакировали биографию Меньшагина, ничего не выйдет: в народе справедливо говорят, что «Черного кобеля не отмоешь до бела».

### «СМОЛЕНСК — 26 МЕСЯЦЕВ ВО ВЛАСТИ НЕПРИЯТЕЛЯ»

Воспоминания проф. *Б. Базилевского*.

Вот что рассказал о положении евреев в оккупированном Смоленске профессор пединститута Борис Васильевич Базилевский, не успевший в 1941 году покинуть город.

«Еще ужаснее было поведение фашистов в отношении еврейского населения. Приблизительно 28 или 30 июля 1941 года Фон Швец (военный комендант г. Смоленска) отдал распоряжение о создании в Смоленске гетто, для которого были отведены так называемые Садки. Все русское население Садков должно было бросить свои дома и переселяться в другие части города, а на их месте должны были поселиться евреи.

Это переселение немецкие жандармы осуществляли не просто со своей обычной грубостью, а с форменным издевательством. Людям не давали транспорта, и они должны были на ручных тележках перевозить тяжелую мебель. В связи со срочностью этого переселения (в начале был дан срок до 3 августа 1941 г.) на узком временном мосту сталкивались потоки переселенцев, двигавшихся из Садков и в Садки.

Старостой (или старшиной) гетто комендатура назначила известного в Смоленске дантиста Пайнсона. В частых разговорах со мной доктор Пайнсон неоднократно жаловался на эту тяжелую обузу, которую он должен нести в интересах еврейского населения. Перспектив на благополучный исход не было. Несколько раз гетто облагалось «налогами». Население гетто должно было снабжать немцев теплой, в особенности меховой одеждой, так как приближалась зима.

По рассказам часто бывавшей у меня Берты Ильиничны

Гейвашович, до войны много лет работавшей секретарем деканата Физмата (Б. И. Гейвашович родилась 28 декабря 1903 г. в г. Смоленске; в 1934—1935 годах работала в редакции «Большевистского молодняка», с 8 сентября 1935 года — в СГПИ), женщины очень правдивой и культурной, эти налоги собирались жандармами, это сопровождалось неопишуемой грубостью, а весьма часто и избиением стариков, женщин и детей.

Немцы посадили граждан на голодный паек (не работающих не снабжали), а населению гетто было и вовсе отказано в каком-либо продовольственном снабжении, предоставив евреям изыскивать пропитания неведомыми путями. Пока население гетто направлялось на работы по уборке улиц города (чтобы удобно было ездить немецким автомобилям), работающие получали только скудный хлебный паек (200 г). Когда же по распоряжению комендатуры евреев прикрепили к работе на железной дороге, положение с питанием работающих приняло какой-то хаотический характер. В одних местах (дальше от вокзала) иногда ничего не давали, а в других (ближе к вокзалу) давали суп, которого хватало не только работающему, но и его домашним. Однако чаще еды не хватало, скромная и деликатная Гейвашович, несмотря на все свое стеснение, вынуждена была брать тот хлеб, которым я и жена с полной искренностью могли с нею поделиться.

В Смоленске евреи сначала работали в городе, а потом почти исключительно на вокзале. Отдельных специалистов — плотников, столяров, слесарей — я лично видел работающими в гестапо, когда в январе 1942 года часами дожидался в холодном коридоре допроса, сопровождавшегося криком, бранью и пинками (таким допросам я подвергался четыре раза). Глядя на этих евреев, я каждый раз со страхом думал об их участи (среди русских людей, не являвшихся немецкими сторонниками и прихвостнями, все больше шепотом говорили о диких зверствах немецких разбойников над еврейским населением в разных городах). Б. И. Гейвашович каждый раз, когда навещала меня и жену, говорила, что у нее плохие предчувствия: ей придется погибнуть. Утешать ее было очень трудно, так как уверенность в окончательной победе над варварами не гарантировала, что эта победа придет раньше, чем проклятые насильники успеют совершить свое гнусное дело. Так, к несчастью, и случилось.

Весной 1942 года в Смоленске разразилась ужасная драма, подобная той, о которых мы слышали из других городов. В один из ужасных дней (числа не помню) гетто было оцеплено жандармами; жителей выгоняли из домов. Эмигрант Гандзюк Григорий Яковлевич (первый заместитель Б. Г. Меншагина) по слухам, о которых поведал доктор Никольский Георгий Владимирович (санитарный врач г. Смоленска), стоял в гетто с револьвером в руке, очевидно для порядка.

Я упоминаю об этом потому, что хочу отметить, кого тянули за собой звери-завоеватели. В этом кошмаре в числе 1200 человек погибла и Б. И. Гейвашович, вероятно и доктор Пайнсон, и некоторые другие, кого я знал как честных и добросовестных работников (врачей, оптиков, ремесленников).

О драме в гетто я узнал через два дня. Слухи о способе убийства были противоречивы. По одним несчастных расстреляли, по другим отравили газами, пущенными в закрытый автобус. Известие об этой драме, передававшееся шепотом, производило на русских гнетущее впечатление, и, несомненно, многие из тех, кто относился к немцам без должной злобы, сделались яркими ненавистниками немецких палачей. Мне ни разу не пришлось слышать, чтобы об этом разбое говорили без возмущения и омерзения.

Вообще же, по сведениям, которые мне передавали доктор Никольский и бывший лаборант педагогического института Рыкалов Константин Николаевич (до войны был научным сотрудником СПГИ), в г. Смоленске постоянно происходили массовые убийства и расстрелы русских людей; говорили, что около Геденовки два раза в неделю расстреливали по 35—40 человек в неделю.

г. Смоленск

(Архив Управления Федеральной Службы контрразведки РФ по Смоленской области. Д.9856-СЛ, Д. 21-27 ОБ)».

## А К Т

### О МАССОВЫХ РАССТРЕЛАХ ГИТЛЕРОВЦАМИ ЖИТЕЛЕЙ г. СМОЛЕНСКА ЛЕТОМ И ОСЕНЬЮ 1942 ГОДА

Мы, представители органов Советской власти, Керус К. А. и Гуменюк А. М., колхозники колхоза им. Молотова, являющиеся жителями д. Магалинщина Корохоткинского сельсовета

г. Смоленского района и области, Филиппов Михаил Филиппович, Чусунов Павел Петрович, Косенков Андрей Савельевич и Сергеенков Петр Емельянович, составили настоящий акт о том, что при осмотре на опушке Вязовеньковской рощи, ранее входившей в территорию дома отдыха летнего состава Красной Армии, которая расположена в 1 км от д. Магалинщина на запад параллельно дороге Танцова роща — совхоз «Пасово» (примерно в 150 м от указанной дороги), [обнаружены] могилы с трупами расстрелянных немцами мирных граждан, проживающих в захваченном оккупантами г. Смоленске.

Названными могильниками являются:

Одна специально вырытая траншея 50 метров длины, 2,5 метра ширины и 2 метра глубины, в которой захоронено свыше 3 тысяч человек мирных граждан г. Смоленска, расстрелянных немецко-фашистскими захватчиками.

Кроме того, в непосредственной близости к этому могильнику прилегают еще 3 могильника размером: длина 5 м, ширина 4 м и глубина 2 метра, в каждом из которых захоронено по 150—170 человек мирных граждан г. Смоленска, расстрелянных немцами в 1942 году. Таким образом, на этом месте всего захоронено жертв немецкого произвола свыше 3500 человек.

Опросом местных жителей-очевидцев установлено, что в 1-й половине июля 1942 года в д. Магалинщина прибыла команда военнопленных и полицейских, всего свыше 20 человек, которые приступили к рытью указанной выше пятидесятиметровой траншеи.

15 июля, примерно (в) 2 часа ночи, из Смоленска начали прибывать машины с еврейским населением города, которое на основании приказа немецкого командования было еще в начале года согнано на жительство в пос. «Садки», расположенный в черте города. Всю ночь и первую половину дня 15 июля 1942 года из «Садков» были слышны вопли и крики женщин, насильно загоняемых в машины. Из «Садков» евреи, в том числе женщины, дети, и старики, вывозились на грузовых машинах к вырытой траншее. Все машины, возившие еврейское население города, были черного цвета, с совершенно закрытым кузовом, в котором входная дверь находилась сзади и была закрыта на замок. Около 10 таких машин ходили до 4 часов дня, а затем все свезенные к траншее

евреи были расстреляны и захоронены. В этот день одновременно было умерщвлено около 2 тысяч человек еврейского населения города, которое заполнило примерно 2/3 могильника. Остальная часть была не зарыта и некоторое время пустовала. На дне незаполненной части траншеи стояла просочившаяся кровь расстрелянных, уровень которой доходил до колена.

Около места расстрела валялись женские гребенки, рваная одежда, заколки, мужская, женская и детская обувь, другие предметы, принадлежавшие расстрелянному еврейскому населению г. Смоленска.

Впоследствии, после расстрела еврейского населения, пустовавшая часть траншеи была заполнена трупами других граждан г. Смоленска, которых немецкие захватчики расстреляли на этом месте.

Заполнив указанную траншею, немцы дополнительно вырыли еще 3 могильника, в которых захоронены мирные граждане г. Смоленска, расстрелянные немцами в разное время в 1942 году на опушке Вязовеньковской рощи.

Кроме того, в 150 метрах на восток от этих могильников, в глубине Вязовеньковской рощи обнаружена специально оборудованная между 2-х деревьев виселица, на перекладине которой сохранился остаток веревки. Около виселицы имеется могильник с неизвестными лицами, которые захоронены немцами.

О чем и составлен акт.

[следуют подписи]

ЦГАОР СССР, Ф. 7021, ОП 44, Д. 1092, Л 4-5. Подлинник».

### ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ

Игорь Петрович Тобольчик, житель города Смоленска, 8 августа 1994 года рассказал следующее: «Родился я в Смоленске в 1928 году в Шоссейном переулке района Садки, где прожил всю жизнь.

В первые дни войны бомбили Смоленск. В частности, метили в нефтебазу, которая располагалась в Садках. Однако все время попадали в откосы. Мы, подростки, бегали смотреть воронки от авиационных бомб.

Мать решила отвести нас к знакомым в Валутино, распо-

ложенное за Колодней. Однако бомбили и там. Мы пошли дальше, в деревню Медино, а затем отправились в Кардымово. Жители и солдаты из Смоленска колоннами на лошадях, машинах, пешком двигались по направлению к Соловьевой переправе.

10 июля 1942 года мы вернулись в Медино, остановились у знакомых, где жило уже четыре семьи. 25 июля встретили немцев, после этого пришлось вернуться в Садки.

Есть было нечего. Фашисты собрали взрослых и подростков, отправили на ремонтные работы: приказали восстанавливать дороги, засыпать воронки, позже, зимой, очищать от снега.

В Садках создали гетто. Местных жителей выселили, они уходили кто куда мог. Граница гетто — школа № 24. Наш дом не попал в территорию гетто. Никому не разрешалось переходить через железную дорогу, за которой был Днепр. Проход был через переезд у нефтебазы и Крестовоздвиженского моста. Мы жили рядом с переездом и оказались свидетелями жизни евреев в гетто.

Еврейскую молодежь собирали отдельно. В основном она работала на железной дороге, за это кормили. В Садках не было воды, и евреи вынуждены были ходить за ней на Днепр, через переезд, по сути дела, люди год жили без воды. Часто полицаи и немецкие солдаты издевались: забирали принесенную воду, часто тут же выливали. Евреи снова шли за водой.

Евреев было много, они заняли более 40 домов, в каждом из которых жило до десяти семей.

Последние дни существования гетто приходились на середину лета. Еще 14 июля 1942 года все было нормально, люди, как обычно, пошли на работу. На следующий день гетто было оцеплено полицией с собаками. Никого никуда не пускали. Были слышны крики, плач. Нас, подростков, погнали на работу. Поползли слухи, что евреи эвакуированы неизвестно куда. Когда мы возвращались домой, то видели зеленые крытые фургоны, возможно, это были душегубки. Позже рассказывали, что в этих закрытых машинах возили евреев. Им объявили, что их перевозят в другой лагерь. Было приказано собраться на средней улице, взять только ценные вещи. Военнопленные, работающие на нефтебазе, говорили, евреев возили вечером и ночью 14 июля и весь день 15.

Только через несколько дней жители деревни Магалин-



щина рассказывали, что в Вязовеньковском лесу были слышны крики: там расстреливали евреев. Ходить в лес запрещалось. Однако позже люди ходили туда и видели проваленные ямы.

В Вязовеньковском лесу находились склады с боеприпасами. Работали там только пленные, которые позже также были расстреляны. Сейчас им в Пасове (возле деревни Щеткино) поставлен памятник.

Управление полиции русским людям выдавало аусвайсы, с ними мы ходили на Рязанку разгружать или воровать соль.

Из Смоленска в Германию вывозили молодых людей 1925—1926 года рождения. Полиция окружала базар, проверяли аусвайсы, решали, кого отправить в Германию, а кого оставить для работы в Смоленске. Каждый день жизни были под угрозой. Видеть трупы людей стало обычным делом.

Зимой 1941—1942 гг. из-за гололедицы машины не могли подняться на Таборную гору. Дети должны были посыпать дорогу песком, который лежал на обочине замерзшими кучами. Взять его было трудно. Полиция лопатой била нас за нерасторопность. Немец, машина которого буксовала, выскочил из машины, вырвал лопату из рук полиция и стал его бить. Потом немец подозвал меня и других ребят и стал показывать фотографии своих детей. Затем вытащил две буханки хлеба и поделил между нами. Нас было 6 или 7 человек. Это был не эсэсовец, а рядовой солдат. Больше всех зверствовали финны, их даже узнавали по зверствам.

На кладбище, расположенном на улице Нормандия-Неман, похоронены люди всех национальностей. В этом месте в период оккупации находился лагерь военнопленных, среди них были татары, евреи.

Работая водителем в 1945 году, я узнал, что кроме немцев здесь были итальянцы, французы, испанцы, финны, каждый говорил на родном языке. Умерших увозили хоронить в Реадовку».

#### ЕВРЕЯМ СПАСЕНИЯ НЕ БЫЛО. (ЗАПИСАЛ И. ЦЫНМАН)

«В июле 1996 года позвонила незнакомая женщина. Назвалась Третьяковой Татьяной Ефимовной (позднее ей и ее матери присвоено звание «Праведница мира») и попросила о встрече. Речь пошла о событиях более чем полувековой давности — спасении от неминуемого убийства ее еврейской подруги. Татьяна Ефимовна рассказывала:

«Родилась я в Смоленске в 1924 году, в коммунальной квартире по Мало-Штабному переулку, где мы имели комнату около 15 кв. м. Отец мой был сапожником, а мать работала на молочном заводе на Рачевке. Позднее у меня появилась младшая сестра Валя. Место, где мы жили, было бойкое — рядом штаб Белорусского Военного Округа. Училась я в маленькой 4-й школе, расположенной рядом с банком. Позади школы находилась больница Черномордика с большим садом. На том месте потом был жилой массив под названием «Дом партактива».

В школе, в моем классе, около половины учащихся были евреи. Фотография класса в войну сгорела. Жили мы в классе одной семьей и о национальности даже понятия не имели. Были октябрятами, пионерами. Комсомольцами тогда стать не успели.

Одной из моих близких подруг была Женя Громыко, о ней дальше и пойдет речь.

Я часто бывала дома у моей подруги. Жила она около кинотеатра «Пятнадцатый» — бывшей хоральной синагоги, в хорошей (по тем временам) квартире. Отец у Жени был военным, по национальности — белорус. С матерью, еврейкой, Серафимой Осиповной, я была очень близка.

Когда я у них бывала, меня сажали за стол, часто угощали чем-нибудь вкусеньким. Знакомы между собой были и наши матери.

Накануне войны в 1940 году мои родители поменяли жилье и переехали в Заднепровье на Ново-Московскую улицу, расположенную рядом с Рязанской улицей, где шла разгрузка и погрузка железнодорожных вагонов. За железной дорогой виднелись Садки. Здесь комната была побольше, а на кухне, кроме нас, жила одна старушка — бывшая купчиха. Я продолжала ходить в ту же школу, хотя она и была далеко.

Во время войны купчиха ушла от нас в свой ранее конфискованный дом. У нас появились новые соседи.

Когда началась война, моего отца — белобилетника, мобилизовали. В Куйбышеве, на Безымянке, он шил военным обувь и вскоре там же умер.

В 1942 году я случайно встретила Женю недалеко от дома, где жила. Мы были худыми, изможденными. Чем питались? В первое время еще добывали картошку, зелень всякую, на Рязанке вдоль путей собирали то, что утекало из вагонов —

какая крупичка, мучичка, подбирали уголек на растопку. Попадались дровишки, сучки... С солью было легче. По ту сторону дороги, на подъеме в Садки у Крестовоздвижной церкви, было полно красной соли. Скорее всего, это были минеральные удобрения. Однако ее употребляли в пищу, а в деревнях меняли на съестное и от ее никто не умирал. Позднее соль стали вывозить, но многие запаслись.

Я пригласила Женю к себе, она у меня переночевала, хотя ее мать в гетто об этом не знала. К пропаже и гибели людей в то время все привыкли. Никто никого не ждал. Прямо на улице или на базаре случайных людей забирали в заложники. Полицаи и немцы хватили всех, кто попадался. Девушек и девочек насиловали и убивали. Люди уходили из дома и не возвращались. На следующий день я пошла вместе с Женей в Садки, в гетто. Шли мы не через ворота, а снизу через нефтебазу, пролезая через колючую проволоку. С большой высоты видели на нефтебазе военнопленных. Там был большой лагерь.

В гетто евреи все время были в шоковом состоянии. Каждый час можно было ждать смерть. Домишки в Садках, где жили евреи, были маленькими и плотно набиты людьми. Ночью на полу не хватало места, чтобы спать. Если прежние жильцы оставляли кровати, то на них спали по двое или трое и столько же под кроватью. Вечером света не было. Многие спали сидя, не раздеваясь. Бывало старухи и старики дежурили на улице, чтобы полицаи не застали спящих врасплох. Среди ночи могли ворваться полицаи — проверить, все ли на месте. Полицаям не составляло выбрать спящих красивых девушек и девочек, увести их, чтобы изнасиловать. После этого возвращались не все. Да и днем было беспокойно. Мать Жени предупреждала нас, что если на форточке висит черная тряпочка, то нельзя близко подходить к дому и надо поскорее скрыться — уйти из гетто. Это значит, что в хибаре, где они жили, или рядом — полицаи. Если тряпочка белая, то можно зайти в дом.

Перед массовым расстрелом евреев целую неделю висела на форточке черная тряпочка — ее не снимали. Не мне, не Жене перед гибелью гетто не удалось повидаться с Жениной мамой.

Чаше к Жениной матери носила съестное я. Ко мне труднее было придаться, так как я русская и, вроде, пришла

к евреям, чтобы что-либо купить из тряпок или обменять. Я полицаям и не попадалась. Женя в это время ждала меня в кустах около нефтебазы. Каждый поход был связан с большим риском.

По утрам полицаи выстраивали на площади тех евреев, кто еще мог двигаться. Полицаи с охраной и собаками выгоняли людей на самые грязные работы. На железной дороге дочиста мыли вагоны, которые были залиты кровью раненых, чистили вагоны от грязи, разгружали или загружали составы. Чистили уборные. Для этой работы не всегда выдавали инструмент. А просить его было опасно. В снежную зиму очищали от снега дороги и аэродром. Делали все, что прикажут.

Нерадивых или больных ждал расстрел, часто немедленный. Формулировка приговора: «За неподчинение» — в назидание работающим. Расстреливали тут же, у всех на глазах, заставляя работающих, обреченных оттащить трупы, делать ямки и закапывать.

Из дома, в котором мы жили, было видно, что евреев гоняли не работу колоннами по 50, 100 и более человек. Охрана состояла из десятка вооруженных полицаев. Иногда с ними были один — два немца. Были и собаки.

Из гетто просто так, с целью вымогательства ценностей или за всякие нарушения режима, со второй половины 1941 года постоянно брали заложников, которые большей частью не возвращались. Где их расстреливали до массового уничтожения гетто, я не знаю.

В гетто попала Женя, ее мать и бабушка. Бабушка Жени до войны жила в Смоленске, отдельно от своей дочери. Ей не нравился ее брак с белорусом. Бабушка была старенькая. Она умерла от голода. Если попадалась какая-нибудь пища, она говорила своей дочери: «Ты съешь, а я не буду».

Не хватало не только пищи, но и чистой воды. Пили всякую грязь. В гетто свирепствовали страшные болезни, дизентерия, тиф, туберкулез. Ежедневно умирали люди. Полицаи заставляли убирать и закапывать трупы. Умерших хоронили не на кладбище, хотя оно находилось недалеко, а в гетто, где придется. Хоронили голыми. Одежда умерших могла еще пригодиться. Те, кто не мог передвигаться и не ходил на работу, голодали. Иногда спасали детей. Они знали все лазейки из гетто и, рискуя, выходили в город, на базар, на Рязанку или в поле, чтобы раздобыть съестное. Тем, кто рабо-

тал, давали что-нибудь съестное: баланду из брюквы или свеклы, по кусочку хлеба из муки, отрубей и опилок.

Так евреи жили и погибали в гетто почти год — до массового расстрела 15 июля 1942 года.

К нам Женя попала в июне 1942 года. Спали мы с ней на одной кровати. Моя мать старалась, чтобы о ее трех (включая Женю) дочерях знали поменьше. И когда мы получали от полицаев наряды на работу, она ходила сама. А мы старались добывать что-нибудь из еды: собирали лебеду, шавель. Крапива была деликатесом, подорожник заменял чай. Картофельных очисток не было. Их съедали. Собирали все, что находили на берегу Днепра. Если мы видели взрослых, то убежали и прятались.

Так, попрощавшись навсегда со своей мамой в гетто, Женя осталась у нас, а в ночь на 15 июля 1942 года всех обитателей гетто расстреляли, как выяснилось потом, в Вязовеньковском лесу. Об этом сообщили жители деревни Магалинщина.

В эту ночь Танина мама не спала. Весь вечер накануне и в ночь на 15-е июля по шоссе двигались машины, напоминавшие рефрижераторы, и женщина была твердо уверена, что немцы начали новое наступление на Москву. До этого на эти рефрижераторы (душегубки) она не обращала внимания.

После расстрела евреев, осенью 1942 года, полицаи приказали нам покинуть наше жилье возле Рязанки и указали хибару в Садках, освобожденную от евреев, где мы должны были жить. И мы туда перебрались, непослушание грозило расстрелом.

Вскоре кто-то донес, что у моей матери не три дочери, а две. Когда в январе 1943 года мать с младшей сестрой пошла в деревню выменивать тряпье на картошку, в 12 часов ночи в хибару, которая не запиралась, ворвались двое полицаев и спросили: «Кто Женя?» Женя назвалась. Ей приказали быстро собираться, теплее одеться и взять с собой хлеба, которого у нас не было.

Своего пальто у Жени не было, а зима была суровая. Я нашла Жене старое пальто, дала ей старые валенки. Нам разрешили попрощаться, мы поцеловались, и полицаи увели Женю.

Мать через два дня вернулась из деревни, но ходить, узнавать о Жене было опасно. За укрывательство еврейки грозил расстрел. Мы спали в одежде, были наготове, боялись

малейшего шороха. Но дней десять нас никто не трогал. Женя вскоре вернулась. Она рассказала: в гестапо ее били, мучили, не давали еды и питья. Через каждый час водили на допросы. Добивались признания, что она еврейка. Спрашивали, как получилось, что евреев вывезли, а она осталась. Отпираться Жене было бесполезно. Метрики и документов у нее не было. Она утверждала, что отец у нее белорус. А мать еврейка, но отец ее был русским. Видимо немцы пожалели ее, а эксперты вычислили степень еврейства и установили 5 процентов. Такой процент еврейства у немцев в расчет не принимался. Женю не расстреляли и отпустили. Будь у Жени отец не белорус, расстреляли бы и ее и нас. Все бы пошло под расстрел, и вопросов не было бы. После возвращения из гестапо Женя прожила у нас недолго. Немцев стали гнать на Запад. Полицаи и немцы к нам охладели и вообще присмирели. Наши войска приближались к Вязьме. Весной 1943 года к нам пришла повестка, чтобы послать одну из дочерей в Германию.

Женя тут же обняла маму и сказала: «Не плачьте,— поеду я. Мне все равно». Опять мать стала собирать Женю в дорогу. Была весна, тепло. Женя одела школьный казакин (полужакет), драную обувь, мама дала ей мешочек. В нем было полбуханки хлеба, немного красной соли, платишко и тряпочка вместо полотенца.

Провожать Женю мать меня не пустила, так как я могла на месте посадки в вагоны «загреметь» вместе с ней. Там не разбирались. Провожала Женю моя мама. Женю посадили в товарный вагон. Очевидцы позднее говорили, что на соседней сортировочной станции подцепляли другие товарные вагоны, набитые людьми — детьми и подростками. И о Жене мы больше ничего не знали.

Кончилась война. В сентябре 1945 года Женя вернулась в Смоленск, к своей второй маме и сестренкам. Она уже была замужем. В Петропавловской церкви органы проверили ее документы. Ее не преследовали.

Муж ее, находясь в Горьком, не сумел к ней приехать, так как его посчитали военнопленным (он был на два года старше Жени). Побыв год в Смоленске, работая на восстановлении Смоленского льнокомбината, Женя решила уехать в Таганрог к матери мужа — своей свекрови.

Женя рассказала, что в Германии попала в трудовой лагерь на тяжелые мужские работы — резать проволоку и метал-

личный лист. Работа была непосильной даже для мужчин. Немцы своих здоровых мужчин, ранее работавших здесь, отправляли на фронт, заменив их русскими женщинами и подростками.

Местность, где находилась Женя, освободили американские войска. Женя рассказала, что им, лагерникам, внушали окружающие: кто чист, должен вернуться в Россию, а кто не чист, тех американцы звали к себе. В Германии не знали, что Женя — еврейка, что отец репрессирован. Так как Женя была чиста, она решила вернуться в Смоленск.

В Германии, в одном лагере с ней, находился парень из Таганрога, Песоцкий Иван. Он был угнан в Германию несовершеннолетним. Он и предложил Жене пожениться. Женя отнекивалась, так как боялась, что Иван узнает, что ее отец был репрессирован. В то время это он было позорно, что ее мать и бабушка погибли в гетто, что узнает о ее национальности: всю эту тяжесть она носила с собой. После войны они в Германии оформили свой брак. Но совсем скоро им пришлось расстаться. Женя приехала в Смоленск, а мужа направили для проверки на два года в Горький на автозавод.

Своему мужу до конца его жизни Женя так и не призналась, что мать у нее была еврейка, а отца репрессировали. В Таганроге Евгения Дмитриевна закончила техникум и всю жизнь отработала на котлостроительном заводе.

Песоцкий Иван — ее муж, от непосильного труда потерял здоровье и, вернувшись из Горького домой в Таганрог, вскоре умер, остался сын Юра. Он увлекался подводным плаванием и в возрасте 31 года утонул в Новороссийске. Он тоже не знал о национальности матери и судьбе своего дедушки. Не знает об этом и внук Максим, 1973 года рождения, живущий в Таганроге.

Всю свою жизнь Евгения Дмитриевна скрывала и скрывает свою биографию и национальность.

Таковы только отдельные трагические страницы из более чем двухлетнего периода (16 июля 1941 г. — 25 сентября 1943 г.) оккупированного в годы Великой Отечественной войны г. Смоленска.

## ПОИМЕННЫЙ СПИСОК МИРНЫХ ЖИТЕЛЕЙ г. СМОЛЕНСКА, ПОГИБШИХ ОТ РУК ФАШИСТОВ И ИХ ПОСОБНИКОВ В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ (1941—1943 гг.).

### А

АБЕЗГАУЗ Наум Менделевич, член ВКП(б) Красноармейского ВКП(б) г. Смоленска. Погиб от рук фашистов в 1942 году.

АБРАМОВА Эстер Абрамовна, 1880 года, еврейка. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

АВРАСКИН Б. Е., еврей. Погиб в период оккупации. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

АВРАСКИНА Анна Евсеевна, 1932 года, еврейка. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

АВРАСКИНА Ольга Михайловна, 1903 года, еврейка. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

АВРАСКИНА Роза Евсеевна, 1927 года, еврейка. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.



АГЕЦИН Моисей, парикмахер. Проживал: г. Смоленск. Расстрелян немцами в декабре 1942 года.

АГРАНАТ Алта, еврейка. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

АГРАНАТ Хацкель Яковлевич, еврей. Погиб в период оккупации. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

АЗАРОВА Надежда, 1922 г. рождения, жительница г. Смоленска. Погибла при бомбежке в г. Смоленске в 1941 г.

АЗИС Геверше, 1921 г. рождения. Проживал: г. Смоленск, ул. Краснознаменная, д. 10. Арестован службой гестапо 06.10.1942 г. за связь с партизанами. Пропал без вести.

АКИМОВА Мария Фроловна, г. Смоленск; вагон УВВР, № 4. Погибла при немецкой бомбардировке 17.05.1944 г.

АЛЕКСАНДРОВА Анна Петровна, член ВКП(б) Красноармейского РК ВКП(б) г. Смоленска. Погибла в 1942 году.

АЛЕКСЕЕВ Михаил Тимофеевич, житель г. Смоленска, 1926 г. рождения. Расстрелян фашистами 16 сентября 1942 г.

АМБАШ М. Л., учительница школы № 26, г. Смоленск. Расстреляна около нефтебазы на Ямщине в 1942 г.

АНДРЕЕВА Раиса Львовна, военврач, военнопленная. Расстреляна фашистами в августе 1942 года в г. Смоленске за оказание медицинской помощи партизанам.

АРКАДЬЕВ Иван. Проживал: г. Смоленск, 2-й Смоленский ручей, д.13. Погиб при немецкой бомбардировке 17.05.1944 г.

АСТРАШАБ Ефим Сергеевич. Проживал: г. Смоленск, 5 дистанция ж/д пути. Погиб в период оккупации при немецкой бомбардировке.

## Б

БАЗЕЛЕВ Карп Федорович, член ВКП(б) Красноармейского РК ВКП(б) г. Смоленска. Погиб в 1942 году.

БАЗЫКИНА Елена Тимофеевна, 1924 г. рождения. Проживала: г. Смоленск, ул. 1 мая, д. 54. Арестована службой гестапо 03.09.1943 г. за связь с партизанами. Пропала без вести.

БАРАНОВ Александр Никифорович, кандидат в члены ВКП(б) Заднепровского РК ВКП(б). Убит немцами в период оккупации области.

БАРАНОВ Петр Иванович. Проживал: г. Смоленск, 5 дистанция ж/д пути. Погиб во время оккупации при немецкой бомбардировке.

БАСИНА Гися, 1883 года, еврейка. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

БАХМАНОВ Лазарь Исаевич, 1890 года, еврей. Погиб в период оккупации. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

БАХМАНОВА (Эпштейн) Эстер Мееровна, 1900 года, еврейка. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

БЕЙЛИНА Шейла, 1885 года, еврейка. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

БЕЛОВ Менахем — Мендаль, 1876 года, еврей. Погиб в период оккупации. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

БЕЛОВА Елена Менахем — Менделеевна, 1900 года. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

БЕЛОВА Хая — ХАВА Янкелевна, 1879 года, еврейка. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

БЕЛОВА Эстер Менделеевна, 1902 года. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

БЕЛОСТОК — ИЗРАИЛЕВА Любовь Хаймовна, 1925 года, еврейка. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

БЕЛОСТОК Фейга — Роха, 1879 года. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

БЕЛОСТОК Хаим Исаевич, 1875 года, еврей. Погиб в пе-

риод оккупации. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

БЕСПРОЗВАННАЯ и ее дочери 10-ти и 14-ти лет, евреи. Погибли в период фашистской оккупации в г. Смоленске.

БЕССМЕРТНЫЙ Спиридон Александрович, член ВКП(б) Красноармейского РК ВКП(б) г. Смоленска. Убит немцами в период оккупации области.

БИГЛЕР Яков Ерухоимович, 1890 года, еврей. Погиб в период оккупации. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

БОБРОВА Клавдия Степановна, член ВКП (б), бухгалтер гостиницы г. Смоленска. После жестоких пыток в гестапо расстреляна немцами в 1942 году.

БОГОРАД Анна Израилевна, 1915 года, еврейка. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

БОЛЬШАКОВА Галина Евгеньевна, 18 лет. Проживала: г. Смоленск. Погибла при немецкой бомбардировке 18.05.1944 г. на эвакуационном пункте № 1.

БОЛЬШАКОВА Евгения Евгеньевна, 9 лет. Проживала: г. Смоленск. Погибла при немецкой бомбардировке 18.05.1944 г. на эвакуационном пункте № 1.

БОЛЬШАКОВА Мария Сергеевна, 1932 г. рождения. Проживала: г. Смоленск. Погибла при немецкой бомбардировке 18.05.1944 г. на эвакуационном пункте № 1.

БОРИСЕВИЧ Иван Иванович, 1924 г. рождения. Проживал: г. Смоленск, ул. Ленина, д. 7. Расстрелян немцами в июне 1943 г. за связь с партизанами.

БОРИСОВ Валентин Иванович, 1936 г. рождения. Проживал: г. Смоленск. Погиб при немецкой бомбардировке 18.05.1944 г. на эвакуационном пункте № 1.

БОРИСОВА Надежда Павловна, 1889 г. рождения. Проживала: г. Смоленск. Погибла при немецкой бомбардировке 18.05.1944 г. на эвакуационном пункте № 1.

БОРКОВ Александр Гаврилович, 11 лет. Проживал: г. Смоленск. Погиб при немецкой бомбардировке 18.05.1944 г. на эвакуационном пункте № 1.

БОРКОВА — ИВАНОВА Варвара Ивановна, 1918 г. рождения. Проживала: г. Смоленск. Погибла при немецкой бомбардировке 18.05.1944 г. на эвакуационном пункте № 1.

БОРКОВА Ксения Константиновна, 1914 г. рождения. Про-

живала: г. Смоленск. Погибла при немецкой бомбардировке 18.05.1944 г. на эвакуационном пункте № 1.

БРИСНЕР Евгения и ее маленькая дочь, евреи. Погибли в период оккупации. Похоронены на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

БРИСНЕР Люба, 1932 года, еврейка. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

БРЯНЦЕВА Агрипина Петровна. Проживала: г. Смоленск, 5 дистанция ж/д пути. Погибла в период оккупации при немецкой бомбардировке.

БЫЧКОВ Афанасий Ефимович, член ВКП(б) Красноармейского РК ВКП(б) г. Смоленска. Погиб от рук фашистов в 1942 году.

## В

ВАЙНБЕРГ Аля Исаковна, 1925 года, еврейка. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ВАЙНБЕРГ Анна Абрамовна, 1893 года, еврейка. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ВАЙНБЕРГ Рая Исаковна, 1921 года, еврейка. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ВАЛЬКОВИЧ (ВАСИЛЬКОВИЧ) Лева Антонович, 1928 г. рождения. Проживал: г. Смоленск. Погиб при немецкой бомбардировке 18.05.1944 г. на эвакуационном пункте № 1.

ВАСИЛЬЕВ Петр Васильевич, член ВКП(б) Красноармейского РК ВКП(б) г. Смоленска. Умер в немецком плену в 1941 году.

ВЕЛИЧКИН Меер Янкелевич, член ВКП(б) Красноармейского РК ВКП(б) г. Смоленска. Погиб в период оккупации области.

ВИТЕБСКИЙ Михаил Яковлевич, житель г. Смоленска, член ВКП(б). Расстрелян немцами в 1942 году по доносу.

ВЛАДИМИРОВ Иван Михайлович. Проживал: г. Смоленск, ул. Старо-Ленинградская, д. 19. Погиб при немецкой бомбардировке 17.05.1944 г.

ВЛАСОВ Виталий, студент института г. Смоленска. После жестоких пыток в гестапо расстрелян немцами в 1942 году за связь с партизанами.

ВОЗИКОВ Даниил Григорьевич. Проживал: г. Смоленск, Сталинский р-н. Арестован немцами в октябре 1941 г. Пропал без вести.

ВОЗИКОВ Яков Григорьевич. Проживал: г. Смоленск, Сталинский р-н. Арестован немцами в октябре 1941 г. Пропал без вести.

ВОЗИКОВА Любовь Григорьевна. Проживала: г. Смоленск, Сталинский р-н. Арестована немцами в октябре 1941 г. Пропала без вести.

ВОЗИКОВА Серафима Эльковна. Проживала: г. Смоленск, Сталинский р-н. Арестована немцами в октябре 1941 г. Пропала без вести.

ВОЗИКОВА Софья Григорьевна. Проживала: г. Смоленск, Сталинский р-н. Арестована немцами в октябре 1941 г. Пропала без вести.

ВОЛКОВ Григорий, бухгалтер ж/д станции Смоленск. Расстрелян немцами в декабре 1942 года.

ВОЛКОВ Николай, 1924 г. рождения. Проживал: г. Смоленск, ул. Металлистов (Пожарный двор). Арестован немцами в июне 1943 г. за связь с партизанами. Пропал без вести.

ВОЛЬФ Лев Моисеевич, 70 лет. Проживал: г. Смоленск. Расстрелян немцами 16.07.1942 г. в м. Вязовенька, г. Смоленск.

ВОЛЬФ Роза Моисеевна, 60 лет. Проживала: г. Смоленск. Расстреляна немцами 16.07.1942 г. в м. Вязовенька, г. Смоленск.

ВОЛЬФСОН Копель Бениаминович, 1886 года, еврей, фармацевт. Погиб в период оккупации. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

## Г

ГАВРИЛОВ Александр Никитьевич, 1892 года, член ВКП(б), житель д. Шейновка, рабочий вагоно-ремонтного цеха. Расстрелян фашистами в декабре 1942 года за агитационную работу среди населения.

ГАВРИЛОВА Варвара Сергеевна, жительница д. Шейновка. Расстреляна фашистами в декабре 1942 года за агитационную работу.

ГЕЙВАШОВИЧ Берта Ильинична, 1903 года, еврейка. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ГЕРАСИМОВА Ганна Тарасовна, 1908 года, связная, разведчица Смоленской городской подпольной группы. Повешена немцами в ноябре 1942 года в д. Корневщина Смоленского района.

ГЕРАСИМОВА Мария Семеновна. Проживала: г. Смоленск, 5 дистанция ж/д пути. Погибла при немецкой бомбардировке в период оккупации.

ГЕРШУН Фаина Исаевна, еврейка. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ГЕРШУН Юдий ..., еврей. Погиб в период оккупации. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ГИЛЬДЕНБЕРГ Моисей Симхович, 35 лет, еврей. Погиб в период оккупации в гетто. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ГЛАГОЛЕВ Павел Петрович, г. Смоленск, вагон У В В Р, № 4. Погиб при бомбардировке 17.05.1944 г.

ГЛЕБОВ Никонор Владимирович, 1917 года, во время оккупации проживал в д. Шейновка, работал преподавателем химии в одной из школ г. Смоленска. Расстрелян фашистами в декабре 1942 года.

ГОНЧАРОВ Сергей Иванович, 1892 г. рождения. Проживал: г. Смоленск, строительный трест. Погиб при бомбардировке 17.05.1944 г.

ГРЕЦОВ П. И., управляющий главбумсбыта, член ВКП(б). Проживал: г. Смоленск, ул. Краснознаменная, д. 28. Расстрелян фашистами в марте 1942 года.

ГРОМЫКО Серафима Осиповна, 1902 года, еврейка. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ГРЮНВАЛЬД Нелли, 1927 года, еврейка. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ГУРКОВ Борис Павлович, 1940 г. рождения, житель г. Смоленска, ул. Розы Люксембург, д. 25. Погиб при бомбардировке 17.05.1944 г.

ГУРКОВ Фрол Тарасович, 1883 г. рождения. Проживал: г. Смоленск, ул. Розы Люксембург, д. 25. Погиб при немецкой бомбардировке 17.05.1944 г.

ГУРКОВА Александра Фроловна, 1922 г. рождения, жительница г. Смоленска. Проживала: ул. Розы Люксембург, д. 25. Погибла при немецкой бомбардировке 17.05.1944 г.

ГУРКОВА Евгения Степановна, 1910 г. рождения, жительница г. Смоленска. Проживала: ул. Розы Люксембург, д. 25. Погибла при немецкой бомбардировке 17.05.1944 г.

ГУСЕВ Илья Минович, 1907 года, житель д. Шейновка, чернорабочий железной дороги. Расстрелян фашистами 23 декабря 1942 года за подпольную деятельность.

## Д

ДЕМИН Геннадий. Проживал: г. Смоленск. Расстрелян немцами в период оккупации области.

ДЕМИН Евгений Михайлович, 1924 года, член ВЛКСМ, житель д. Шейновка, рабочий ремонтных мастерских. Расстрелян фашистами в декабре 1942 года за агитационную работу среди населения.

ДЕМИН Николай Сергеевич, 1907 года, член ВКП(б), житель д. Шейновка, электросварщик вагоноремонтного цеха. Расстрелян фашистами в декабре 1942 года за агитационную работу среди населения.

ДЕМИНА Валентина, жительница г. Смоленска, 17 лет. Расстреляна фашистами в 1941 г.

ДЕНИСЕВИЧ Василий Степанович, член ВКП(б) Заднепровского РВКП(б). Убит немцами в период оккупации области.

ДОБРУСИНА Паша, 1924 года, еврейка. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ДОБРУСИНА Сара, 1924 года, еврейка. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ДРАЗИНА Лия Львовна и ее муж, евреи. Погибли в период оккупации. Похоронены на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ДРОТОВ Иосиф, 1932 г. рождения. Проживал: г. Смоленск. Погиб при немецкой бомбардировке 18.05.1944 г. на эвакуационном пункте № 1.

ДРОВОТА Зинаида (Елизавета) Григорьевна, 1926 г. рождения. Проживала: г. Смоленск. Погибла при немецкой бомбардировке 18.05.1944 г. на эвакуационном пункте № 1.

ДРОВОТА Софья Иосифовна, 1897 г. рождения. Проживала: г. Смоленск. Погибла при немецкой бомбардировке 18.05.1944 г. на эвакуационном пункте № 1.

ДУГАНОВ В. Н., 8 лет. Убит фашистами в период оккупации в г. Смоленске.

ДУГАНОВА Е. Е., 26 лет. Убита фашистами в период оккупации в г. Смоленске.

ДУГАНОВА К. Н., 5 лет. Убита фашистами в период оккупации в г. Смоленске.

## Е

ЕВГРАФОВ Сергей Андреевич, 1921 г. рождения. Проживал: г. Смоленск, ул. Козловская гора. Расстрелян немцами в июле 1941 г. как коммунист.

ЕГОРОВ Василий Егорович, 1896 г. рождения. Проживал: г. Смоленск, ул. Красный ручей, д. 1. Арестован службой гес-



тапо 08.03.1943 г. как коммунист и политрук Красной Армии. Пропал без вести.

ЕЛИНА Людмила, еврейка. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ЕРМАКОВА Евгения Киреевна, 1923 г. рождения. Прожила: г. Смоленск, строительный трест. Погибла при немецкой бомбардировке 17.05.1944 г.

ЕРУХОВА Дора, 1923 года, еврейка. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

## Ж

ЖИГЛИНСКИЙ, учитель. Проживал: г. Смоленск. Расстрелян немцами в декабре 1942 года.

ЖИЦ Алла Лазаревна, 1925 года, еврейка. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ЖИЦ Ася Лазаревна, 1928 года, еврейка. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ЖИЦ Роза Абрамовна, 1905 года, еврейка. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ЖУКОВСКАЯ Л. Проживала: г. Смоленск, станция Западной железной дороги, телефонистка. Погибла при немецкой бомбардировке 26.06.1944 г.

ЖУРАВЛЕВА Мария Ефановна, 1899 г. рождения. Прожила: г. Смоленск, ул. Тимирязева, д. 4, арестована гестапо в 1942 г. Пропала без вести.

## З

ЗАДОНИН Сергей Иванович, 1901 года, московский ополченец. Попал в плен в октябре 1941 года, находясь в хозяйстве «Серебрянка», активно участвовал в подпольной группе. Расстрелян немцами в мае 1943 года.

ЗАПЕСОЧНИКОВ Иосиф Тимофеевич, 1919 года, родился: Алтайский край, Ключевский район. Расстрелян фашистами 01.09.1943 г. в Смоленском гестапо.

ЗАРУКАЕВ Харитон Тимбулаевич, г. Смоленск, вагон У 1313 Р № 4. Погиб при бомбардировке 17.05.1944 г.

ЗАХАРЕВИЧ Анна Исаковна, врач. Убита немцами осенью 1942 г. в еврейском гетто в п. Садки г. Смоленска.

ЗЕЛЕНКОВА Антонина Ефимовна, 1906 года, укрывала советских разведчиков в г. Смоленске. Расстреляна фашистами в период оккупации.

ЗИГМАН Валентина Моисеевна, 1917 года, и ее дочь, 1940 года, евреи. Погибли в период оккупации. Похоронены на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ЗЛОТНИКОВ Ефим, еврей. Погиб в период оккупации. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ЗУЙКОВ Василий Владимирович, 1886 года, член ВКП(б), возглавлял подпольную явочную квартиру в г. Смоленске, укрывал советских разведчиков. Расстрелян немцами в августе 1942 года.

ЗУЙКОВ Владимир Васильевич. Проживал: г. Смоленск, ул. Запольная, д. 32, член ВКП(б). Расстрелян фашистами 06.08.1942 г. за связь с партизанами.

## И

ИВАНОВ Егор Корнеевич, член ВКП(б) Красноармейского РК ВКП(б) г. Смоленска. Расстрелян немцами в период оккупации области.

ИВАНОВ Егор Сергеевич, 1879 г. рождения. Проживал: г. Смоленск, ул. Горького, д. 8. Расстрелян и сожжен немцами 25.09.1943 г. за тушение пожара своей квартиры, которую подожгли немцы.

ИВАНОВ Олег Терентьевич, 1932 г. рождения. Проживал: г. Смоленск. Погиб при немецкой бомбардировке 18.05.1944 г. на эвакуационном пункте № 1.

ИВАНОВА Александра Григорьевна. Проживала: г. Смоленск, ул. Старо-Ленинградская, д. 26. Умерла в немецком рабстве 09.08.1944 г.

ИЗРАИТЕЛЬ Буся и ее сын Зима, 18 лет, евреи. Погибли в период оккупации. Похоронены на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ИЛЮКОВ Владимир Павлович, 1922 года, член ВЛКСМ, житель д. Шейновка, рабочий завода № 35, подпольщик. Расстрелян фашистами 23 февраля 1942 года за агитационно-пропагандистскую работу среди населения.

ИЛЮКОВ Григорий Никонорович, 1918 года, член ВЛКСМ, житель д. Шейновка, работал машинистом на железной дороге. Замучен фашистами в декабре 1942 года.

ИЛЮКОВ Павел Петрович, 55 лет, житель д. Шейновка, до войны работал в железнодорожном депо, подпольщик. Расстрелян фашистами 23 февраля 1942 года за агитационно-пропагандистскую работу среди населения.

## К

КАЗНАЧЕЕВ Павел, 1922 г. рождения, житель г. Смоленска. Расстрелян около нефтебазы на Ямщине в 1942 г.

КАПЛАН Наум Абрамович, член ВКП (б) Красноармейского РК ВКП(б) г. Смоленска. Погиб в период оккупации области.

КАРИСАВЫХ Иван Гаврилович, 1887 г. рождения. Проживал: г. Смоленск, Строительный трест. Погиб при немецкой бомбардировке 17.05.1944 г.

КАРПЕЙЧИК Ева Адамовна. Проживала: г. Смоленск,

5 дистанция ж/д пути. Погибла в период оккупации при немецкой бомбардировке.

КАЧАНОВ Владимир, 1919 г. рождения, еврей. Проживал: г. Смоленск, студент. Расстрелян фашистами 10.10.1941 г.

КАЧАНОВСКАЯ А... Проживала: г. Смоленск, станция Западной железной дороги, электромеханик. Погибла при немецкой бомбардировке 26.06.1944 г.

КЕРСАНОВ П. И. Проживал: г. Смоленск, ул. Старо-Ленинградская, д. 19. Погиб при бомбардировке 17.05.1944 г.

КИРЕЕНКОВ Петр Максимович. Проживал: г. Смоленск, 5 дистанция ж/д пути. Погиб при немецкой бомбардировке в период оккупации.

КЛЮЕВА Любовь Ермолаевна, 1920 г. рождения. Проживала: г. Смоленск. Погибла при немецкой бомбардировке 18.05.1944 г. на эвакуационном пункте № 1.

КОВАЛЕВ Яков Корнеевич, член ВКП(б) Красноармейского РК ВКП(б) г. Смоленска. Погиб в 1942 году.

КОЗЛОВА Анна, парикмахер. Проживала: г. Смоленск. Расстреляна немцами в декабре 1942 года.

КОЛЬЧЕНКО К... Проживала: г. Смоленск, станция Западной железной дороги, радистка. Погибла при немецкой бомбардировке 26.06.1944 г.

КОРНЕЕВА Анна Измайловна, 1915 года, жительница г. Смоленска, еврейка. Расстреляна фашистами в октябре 1941 года.

КОРШИН Иван Михайлович, 1893 года, член ВКП(б), работал в депо ж/д станции Смоленск, арестован немцами за агитационную работу, посажен в тюрьму. Умер от тифа в декабре 1942 года.

КОСМАЧЕВА Мария Афанасьевна. Проживала: г. Смоленск, 5 дистанция ж/д пути. Погибла при немецкой бомбардировке в период оккупации.

КОТОВ Павел. Проживал: г. Смоленск, ул. Старо-Ленинградская, д. 19. Погиб при бомбардировке 17.05.1944 г.

КОШКИН Игорь, подросток, связной партизанского отряда Смоленского района. Расстрелян фашистами в 1943 году.

КРАВЕЦ Анна Вениаминовна, 19 лет, еврейка. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

КРАВЕЦ Татьяна Вениаминовна, 1921 года, еврейка. Погиб-

ла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

**КРАВЦОВ** Александр, 1922 г. рождения, житель г. Смоленска. Расстрелян около нефтебазы на Ямщине в 1942 г.

**КРИШТОХОВИЧ** Евдокия Степановна, 1900 г. рождения. Проживала: г. Смоленск, Соборный двор, д. 33. Расстреляна немцами в 1941 г. за передачу красноармейцам продуктов питания.

**КУЗЬМИН** Александр Николаевич, 1923 г. рождения. Проживал: г. Смоленск, ул. Б. Интернациональная, д. 40, кв. 5. Расстрелян немцами в декабре 1942 г. за отказ от работы.

**КУЗЬМИЦКАЯ** Клавдия Лукьяновна, преподаватель истории средней школы, член ВКП(б). Расстреляна фашистами в августе 1942 года. Когда ее вывели на расстрел, она бросилась к Рачковой Александре Андреевне (бывшая ее ученица) со словами: «Прощайте, товарищи! Передайте моим детям, что их мать погибла за Родину».

**КУЛЬБАКОВ** Дмитрий Кузьмич. Проживал: г. Смоленск, 5 дистанция ж/д пути. Погиб при немецкой бомбардировке в период оккупации.

**КУНЦМАН** Моисей, 54 года, еврей. Погиб в период оккупации. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

**КУНЦМАН** Цыпа, 51 год, еврей. Погиб в период оккупации. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

**КУХАРЕВ** Иван. Повешен немцами в Красном Бору г. Смоленска в период оккупации области.

## Л

**ЛАБКОВСКИЕ**, семья из 3-х человек, евреи. Погибли в период оккупации. Похоронены на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

**ЛАГУТИН** Георгий Андреевич, 1897 года, член ВКП(б). Проживал в г. Смоленске нелегально, подпольщик. Расстрелян немцами в июле 1942 года в Реадовке.

**ЛАПИН** Григорий Нилович, житель г. Смоленска. Расстрелян фашистами 16 сентября 1942 г.

**ЛЕВИН** Танхум Нисон-Нотович, член ВКП(б) Красноармейского РК ВКП(б) г. Смоленска. Погиб в 1942 году.

**ЛЕВИНА** Ревекка, 70 лет, еврейка. Умерла в гетто от голода в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

**ЛЕВКОВИЧ** Аида Адольфовна, 1931 г. рождения, жительница г. Смоленска, ул. Розы Люксембург, д. 25. Погибла при немецкой бомбардировке.

**ЛЕВКОВИЧ** Антонина Яковлевна, 1904 г. рождения, жительница г. Смоленска, ул. Розы Люксембург, д. 25. Погибла при немецкой бомбардировке 17.05.1944 г.

**ЛЕЙКИН** Зелин Соломонович, 75 лет, еврей. Погиб в период оккупации. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

**ЛЕЙКИНА** Раиса, 18 лет, еврейка. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

**ЛЕЙКИНА** Софья Зелиновна, 35 лет, еврейка. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

**ЛЕЙТМАН** ..., 1890 года, еврей. Погиб в период оккупации. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

**ЛЕЙТМАН** ..., еврей. Погиб в период оккупации. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

**ЛЕЙТМАН** ..., еврей. Погиб в период оккупации. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

**ЛИВЕНСОН** Е. М., учительница школы № 26 г. Смоленска. Расстреляна около нефтебазы на Ямщине в 1942 г.

**ЛИВШИЦ** Паше — Беля, еврей. Погиб в период оккупации. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

**ЛИВЩИН** Б... Проживал: г. Смоленск, станция Западной железной дороги, швейцар. Погиб при немецкой бомбардировке 26.06.1944 г.

ЛИТВИНОВ Николай Николаевич, 1903 г. рождения. Проживал: г. Смоленск, ул. Красный ручей, д. 2. Арестован службой гестапо 13.01.1943 г. Пропал без вести.

ЛУНДИН Абрам, еврей. Погиб в период оккупации. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ЛЮБЕЛЬСКАЯ Ольга Львовна, еврейка. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ЛЮБЕЛЬСКИЙ Семен Яковлевич, еврей. Погиб в период оккупации. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ЛЯМИН Семен Семенович, житель г. Смоленска. Расстрелян фашистами 20.02.1942 года.

## М

МАГИД Михаил Борисович. Погиб в период оккупации в гетто. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

МАГОЛИФ Мария Михайловна, фармацевт Катинской аптеки. Убита немцами в 1942 г. в еврейском гетто п. Садки г. Смоленска.

МАРЧЕНКОВ Федор Евсеевич, член ВКП(б) Красноармейского РК ВКП(б) г. Смоленска. Расстрелян немцами в 1942 году.

МАРЬЯХИНА Лиза, 42 года, еврейка. Погибла в период оккупации в гетто. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

МАСЛОВ ... Проживал: г. Смоленск, ул. 8-е Марта, д. 26а. Умер от пыток фашистов в период оккупации.

МИЛКИН Василий Николаевич, член ВКП(б) Красноармейского РК ВКП(б) г. Смоленска. Погиб в период оккупации области.

МИНКИН ..., 11 лет, еврей. Погиб в период оккупации. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

МИНКИНА ..., 15 лет, еврейка. Погибла в период оккупации. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

МИХАЙЛОВА Мария Тихоновна, 1903 г. рождения. Проживала: г. Смоленск, Соборный двор, д. 33. Расстреляна немцами в ноябре 1941 г. за то, что ее собака лаяла на немецких солдат.

МИХАЙЛОВА Ульяна Тихоновна, 1925 г. рождения. Проживала: г. Смоленск, Соборный двор, д. 33. Расстреляна немцами в мае 1942 г. за связь с партизанами.

МИШИН Юрий, 1941 г. рождения. Проживал: г. Смоленск. Погиб при немецкой бомбардировке 18.05.1944 г. на эвакуационном пункте № 1.

МИШИНА Александра Федоровна, 1922 г. рождения. Проживала: г. Смоленск. Погибла при немецкой бомбардировке 18.05.1944 г. на эвакуационном пункте № 1.

МОВШИЦ, семья из 3-х человек (дети 2-х и 6-ти лет), еврей. Погибли в период оккупации в гетто. Похоронены на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

МОИСЕЕВ Геннадий Григорьевич, 1925 г. рождения. Проживал: г. Смоленск, ул. Зеленый ручей, д. 13. Арестован службой гестапо в апреле 1942 года за попытку взорвать немецкий эшелон. Пропал без вести.

МОИСЕЕВ Евгений, житель г. Смоленска, 14 лет. Расстрелян фашистами в период оккупации.

МОИСЕЕВА Мария Лаврентьевна, 1924 г. рождения. Проживала: г. Смоленск, ул. Б. Советская, д. 22. Зверски замучена и расстреляна немцами в мае 1942 г.

МУДРЕЧЕНКОВ Федор Антонович, 1908 г. рождения. Проживал: г. Смоленск, Строительный трест. Погиб при немецкой бомбардировке 17.05.1944 г.

МУРАВИЧ ..., еврей. Погиб в период оккупации в гетто. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

МУРАВИЧ ..., еврейка. Погибла в период оккупации в гетто. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

МУРАВИЧ Аня, 20 лет, еврейка. Погибла в период оккупации в гетто. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.



МУРАВИЧ Ида, 16 лет, еврейка. Погибла в период оккупации в гетто. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

МУТУСЕВИЯ Михаил Гаврилович, 1910 г. рождения. Проживал: г. Смоленск, ул. Горького, д. 24. Арестован гестапо в июле 1943 года как агент НКВД. Пропал без вести.

## Н

НЕМЦОВА Паша, 25 лет, еврейка. Погибла в период оккупации в гетто. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

НЕХАМКИН Изя, 8 лет, еврей. Погиб в период оккупации в гетто. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

НЕХАМКИН Леня, 4 года, еврей. Погиб в период оккупации в гетто. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

НЕХАМКИНА Александра Лазаревна, 40 лет, еврейка. Погибла в период оккупации в гетто. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

НИКИТИН Семен Васильевич, 1894 г. рождения. Проживал: г. Смоленск, строительный трест. Погиб при немецкой бомбардировке 17.05.1944 г.

НИКОНОВ Кузьма Захарович, 1892 г. рождения. Проживал: г. Смоленск, ул. Степана Разина, д. 29. Арестован службой гестапо 09.05.1942 г. за связь с партизанами. Пропал без вести.

НОВИКОВ Иосиф Яковлевич, член ВКП(б) Красноармейского РК ВКП(б) г. Смоленска. Погиб в 1942 году.

НОВИКОВ, ученик 8 класса Красноборовской школы № 5 г. Смоленска. Повешен немцами в период оккупации области.

НОВИКОВА Вера Ивановна, 1898 г. рождения. Проживала: г. Смоленск, ул. Зеленый ручей, д. 11. Арестована гестапо в 1942 г. Пропала без вести.

## О

ОБВЕТКОВА ... Проживала: г. Смоленск, станция Западной железной дороги, телефонистка. Погибла при немецкой бомбардировке 26.06.1944 г.

ОВСЯННИКОВА Н. Ф. Проживала: г. Смоленск, станция Западной железной дороги, телефонистка. Погибла при немецкой бомбардировке 26.06.1944 г.

ОСТАШЕВСКИЙ ... Проживал: г. Смоленск, 5 дистанция ж/д пути. Погиб при немецкой бомбардировке в период оккупации.

ОШЕРОВ ..., еврей. Погиб в период оккупации в гетто. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

## П

ПАВЛОВ Виктор Васильевич, 1923 г. рождения. Проживал: г. Смоленск, ул. Б. Советская, д. 23. Расстрелян немцами в ноябре 1942 г. за связь с партизанами.

ПАВЛЮЧЕНКОВ Виталий Константинович, 1928 г. рождения. Проживал: г. Смоленск, ул. Парижской коммуны, д. 7. Арестован службой гестапо 08.01.1942 г. Пропал без вести.

ПАВЛЮЧЕНКОВ Николай. Проживал: г. Смоленск, 5 дистанция ж/д пути. Погиб при немецкой бомбардировке в период оккупации.

ПАЙНСОН ..., зубной врач, еврей. Погиб в период оккупации в гетто. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ПЕРЛИН Давид Иосифович, 1897 года, еврей. Погиб в период оккупации в гетто. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ПЕРСКАЯ Мария Менделеевна, 1906 года, еврейка. Погибла в период оккупации в гетто. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ПЕСКАЯ Софья Марковна, 1937 года, еврейка. Погибла в период оккупации в гетто. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ПЕТРАЧКОВ Александр Прокофьевич. Проживал: г. Смоленск, ул. Желябова, д. 14. Расстрелян фашистами 27.05.1942 г.

ПЕТРАЧКОВ Алексей Прокофьевич, житель г. Смоленска. Расстрелян фашистами в ноябре 1942 г.

ПЛОТНИКОВ Леонтий Яковлевич, завхоз школы. Проживал: г. Смоленск. Расстрелян немцами в декабре 1942 года.

ПОГРЕБКОВ Александр, 1933 г. рождения. Проживал: г. Смоленск. Погиб при немецкой бомбардировке 18.05.1944 г. на эвакуационном пункте № 1.

ПОГРЕБКОВ Валентин Прокопьевич, 1926 г. рождения. Проживал: г. Смоленск. Погиб при немецкой бомбардировке 18.05.1944 г. на эвакуационном пункте № 1.

ПОГРЕБКОВ Михаил, 1923 г. рождения. Проживал: г. Смоленск. Погиб при немецкой бомбардировке 18.05.1944 г. на эвакуационном пункте № 1.

ПОГРЕБКОВА Екатерина, 1930 г. рождения. Проживала: г. Смоленск. Погибла при немецкой бомбардировке 18.05.1944 г. на эвакуационном пункте № 1.

ПОГРЕБКОВА Ксения Алексеевна. Проживала: г. Смоленск. Погибла при немецкой бомбардировке 18.05.1944 г. на эвакуационном пункте № 1.

ПОДОБЕДОВ Михаил, житель г. Смоленска. Расстрелян немцами в 1942 году за связь с партизанами.

ПОЛОЗОВА Акулина Никитична, 1882 г. рождения. Проживала: г. Смоленск. Погибла при немецкой бомбардировке 18.05.1944 г. на эвакуационном пункте № 1.

ПОЛЬСМАН Мария, 1880 года, еврейка. Погибла в период оккупации в гетто. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ПОЛЬСМАН Мендель, 1878 года, еврей. Погиб в период оккупации в гетто. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ПОПОВ Павел Васильевич, 1900 года, член ВКП(б), работник облпотребсоюза г. Смоленска. Погиб в период фашистской оккупации области.

ПРИСТАВКИН Павел Евсигнеевич, член ВКП(б) Крас-

ноармейского РК ВКП(б) г. Смоленска. Погиб в период оккупации области.

ПРОСТАКОВ Александр Андреевич, 1929 г. рождения. Проживал: г. Смоленск, Соборный двор, д. 31, кв. 5. Расстрелян немцами в апреле 1943 г. за связь с партизанами.

## Р

РЕПИНА Варвара Яковлевна. Проживала: г. Смоленск, 5 дистанция ж/д пути. Погибла в период оккупации при немецкой бомбардировке.

РИСИН Лев Моисеевич, 1885 года, еврей. Погиб в период оккупации в гетто. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

РОЗОВ Самуил Мошевич, 48 лет, еврей. Погиб в период оккупации в гетто. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

РОМАНОВА Елена Моисеевна, 22 года, работала на Смоленской фанерной фабрике. Убита немцами 16.07.1942 г. в м. Вязовенька, г. Смоленск.

РОМАНОВА Роза Моисеевна, 30 лет, работала в 1-м ресторане г. Смоленска. Убита немцами 16.07.1942 г. в м. Вязовенька, г. Смоленск.

РОМАНОВА Сарра Залмановна, 64 года. Проживала: г. Смоленск, ул. 1-я Краснинская. Убита немцами 16.07.1942 г. в м. Вязовенька, г. Смоленск.

РОМАНОВА Софья Моисеевна, врач, и ее дочь, 1 год 6 месяцев. Убиты немцами 16.07.1942 г. в м. Вязовенька, г. Смоленск.

РОМАНОВА Татьяна Моисеевна, 27 лет, депутат г. Смоленска. Убита немцами 16.07.1942 г. в м. Вязовенька, г. Смоленск.

РОСИНА Фаина, 1922 г. рождения. Расстреляна около нефтебазы на Ямщине в 1942 г.

РУСЕЦКАЯ Галина. Проживала: г. Смоленск, подпольщица. После пыток в гестапо, расстреляна немцами 02.02.1942 года.

РЫСИНА Вера Борисовна, 1890 года, еврейка. Погибла

в период оккупации в гетто. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

**РЫСИНА** Хаэтя Моисеевна, 1892 года, еврейка. Погибла в период оккупации в гетто. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

**РЫСИНА** ..., фармацевт Катынской аптеки. Убита немцами в 1942 г. в еврейском гетто в п. Садки г. Смоленска.

**РЫЧКОВА** Александра Андриановна, 1922 г. рождения. Проживала: г. Смоленск, ул. Фурманова, д. 20. Являлась связной партизанского отряда «Максим», арестована в июле 1942 г. агентами гестапо и посажена в тюрьму. Пропала без вести.

## С

**САЖИН** Михаил. Проживал: г. Смоленск, ул. Старо-Ленинградская, д. 19. Погиб при немецкой бомбардировке 17.05.1944 г.

**САЛЬНИКОВ** Петр Гаврилович, член ВКП(б) Красноармейского РК ВКП(б) г. Смоленска. Погиб в 1943 году.

**САМУСЕНКОВА** Варвара Алексеевна, 36 лет. Проживала: г. Смоленск, 2-й Смоленский ручей. Погибла от разрыва снарядов в июле 1941 г.

**СЕЛИВЕРСТОВ** Михаил Ильич, член ВКП(б) Красноармейского РК ВКП(б) г. Смоленска. Погиб в 1942 году.

**СЕМЕНОВ** Иван Матвеевич, 1900 года, врач-окруженец. Проживал: д. Шейновка, с женой. Лечил военнопленных и устраивал им побег. Расстрелян фашистами вместе с женой в ноябре 1942 года.

**СЕМЕНОВА** Елена Васильевна, 1914 г. рождения. Проживала: г. Смоленск. Погибла при немецкой бомбардировке 18.05.1944 г. на эвакуационном пункте № 1.

**СЕМЕНОВА** Нина Федоровна, 1940 г. рождения. Проживала: г. Смоленск. Погибла при немецкой бомбардировке 18.05.1944 г. на эвакуационном пункте № 1.

**СИДОРЕНКО** Ксения Андреевна, 1901 г. рождения. Про-

живала: г. Смоленск. Погибла при немецкой бомбардировке 18.05.1944 г. на эвакуационном пункте № 1.

**СИДОРЕНКОВА** Агриппина Николаевна, жительница г. Смоленска, жена лейтенанта Коптелова Павла Михеевича, погибшего в 1941—1945 гг. Расстреляна немцами в период оккупации.

**СЕНИЦКИЙ** Натан Яковлевич, 33 года, еврей. Погиб в период оккупации в гетто. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

**СЛИЗБЕРГ** Борис Лазаревич, 1926 года, еврей. Погиб в период оккупации в гетто. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

**СЛИЗБЕРГ** Лазарь Моисеевич, 1900 года, еврей. Погиб в период оккупации в гетто. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

**СЛИЗБЕРГ** Мотя Лазаревич, 1924 года, еврей. Погиб в период оккупации в гетто. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

**СЛИЗБЕРГ** Софья, 1900 года, еврейка. Погибла в период оккупации в гетто. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

**СЛУЦКЕР** Абрам — Гдале, еврей. Погиб в период оккупации в гетто. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

**СЛУЦКЕР** Давид Абрамович, еврей. Погиб в период оккупации в гетто. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

**СЛУЦКЕР** Кива Абрамович, еврей. Погиб в период оккупации в гетто. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

**СМОЛОВСКИЙ** Тихон Михайлович, член ВКП(б) Красноармейского РК ВКП(б) г. Смоленска. Погиб от рук фашистов в 1942 году.

**СОБОЛЕВ** Фима, 1921 года, его отец и мать парикмахеры, родные братья, евреи. Погибли в период оккупации в гетто. Похоронены на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

**СОЛДАТЕНКОВА** А. Проживала: г. Смоленск, станция Западной железной дороги, монтер. Погибла при немецкой бомбардировке 26.06.1944 г.

СОЛДАТЕНКОВА Н. Проживала: г. Смоленск, станция Западной железной дороги, монтер. Погибла при немецкой бомбардировке 26.06.1944 г.

СОЛОМОНИК Альберт Залманович, 1929 года, еврей. Погиб в период оккупации в гетто. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

СОЛОМОНИК Дина Абрамовна, 1908 года, и ее сын, еврей. Погибли в период оккупации в гетто. Похоронены на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

СОЛОПОВ Максим Петрович, 1895 г. рождения. Проживал: г. Смоленск, ул. Красный ручей, д. 1. Расстрелян немцами в ноябре 1942 года за укрытие военнопленных красноармейцев.

СТАЦКАЯ (СТЕЦКАЯ) Ольга, преподаватель истории на курсах нархозучета г. Смоленска, член ВКП(б). Расстреляна фашистами в августе 1942 года.

СУРАЖЕВСКАЯ (СУРАТОВСКАЯ) Тамара Мироновна, 1938 г. рождения. Проживала: г. Смоленск, ул. Фрунзе, д. 34. Погибла при немецкой бомбардировке 17.05.1944 г.

СУРМЕНЕВ Константин Парфенович, 1897 г. рождения. Проживал: г. Смоленск, ул. Социалистическая, д. 7. Расстрелян немцами в мае 1942 г. за связь с партизанами.

## Т

ТЕРЕЩЕНКО Нина Михайловна, 1896 г. рождения. Проживала: г. Смоленск. Погибла при немецкой бомбардировке 18.05.1944 г. на эвакуационном пункте № 1.

ТУМАШОВ Павел Тимофеевич. Проживал: г. Смоленск, ул. Старо-Ленинградская, д. 19. Погиб при немецкой бомбардировке 17.05.1944 г.

## Ф

ФЕЙГЕНА Е. М., учительница химии школы № 26 г. Смоленска, и две ее дочери (3-х и 5-ти лет). Расстреляны в одной из деревень Смоленской области в 1941 г.

ФРЕЙДЛИН Хацкель Юдович, еврей. Погиб в период оккупации в гетто. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ФРЕЙДСОН Анна Иосифовна, 16 лет, еврейка. Погибла в период оккупации в гетто. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ФРЕЙДСОН Злата Вигдаровна и ее дети, еврей. Погибли в период оккупации в гетто. Похоронены на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ФРЕЙДСОН Ривим Иосифович, 13 лет, еврей. Погиб в период оккупации в гетто. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ФРУШКИН (ФРУМКИН) Вульф, 1903 года, еврей. Погиб в период оккупации в гетто. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ФРУШКИНА (ФРУМКИНА) Евгения Вульфовна, 1925 г., еврейка. Погибла в период оккупации в гетто. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ФРУШКИНА (ФРУМКИНА) Яхна Хаимовна, 1905 г., еврейка. Погибла в период оккупации в гетто. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.



## Х

**ХАЗАН** Берта Наумовна, 1909 года, еврейка. Погибла в период оккупации в гетто. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

**ХАЗАН** Хаина Абрамовна, 1880 года, еврейка. Погибла в период оккупации в гетто. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

**ХАНИН** Файвель Израилович, 1889 года, еврей. Погиб в период оккупации в гетто. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

**ХЕЙЛОВСКИЙ** Давид Мордухович, член ВКП(б) Красноармейского ВКП(б) г. Смоленска. Погиб в период оккупации области.

**ХОМУТОВ** Владимир Сергеевич, 1925 г. рождения. Проживал: г. Смоленск, Соборный двор, д. 31, кв. 1. Расстрелян немцами в январе 1943 г.

## Ц

**ЦАСИСОЛ**, зубной врач. Убита немцами в 1942 г. в еврейском гетто п. Садки г. Смоленска.

**ЦЕЙТЛИН** Лейвик Лазаревич, 1883 года, еврей. Погиб в период оккупации в гетто. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

**ЦЕЙТЛИНА** Фаина Лейвиковна, 1911 года, еврейка. Погибла в период оккупации в гетто. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

**ЦЫКВИНЫ**, семья из 3-х человек, евреи. Погибли в период оккупации в гетто. Похоронены на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

## Ч

**ЧЕНЧИКОВА** Любовь, 1924 года. Проживала: п. Гнездово, член ВЛКСМ, активная подпольщица. Расстреляна немцами в августе 1942 года.

**ЧЕРНЕНКО** Михаил Иванович, 1913 г. рождения. Проживал: г. Смоленск, ул. Степана Разина, д. 29. Арестован службой гестапо 23.02.1943 г. за связь с партизанами. Пропал без вести.

**ЧЕРНОБАЕВ** А. Проживала: г. Смоленск, станция Западной железной дороги, радистка. Погибла при немецкой бомбардировке 26.06.1944 г.

**ЧЕРНОВ** Иван Сидорович, член ВКП(б) Красноармейского РК ВКП(б) г. Смоленска. Погиб в 1943 году.

**ЧЕРНОМОРДИК** Хана Ароновна, 1906 года, еврейка. Погибла в период оккупации в гетто. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

**ЧЕРНЫШЕВА** Е. Проживала: г. Смоленск, станция Западной железной дороги, радистка. Погибла при немецкой бомбардировке 26.06.1944 г.

**ЧУРКИНА** Нина, учительница средней школы совхоза «Кощинский» г. Смоленска. Расстреляна фашистами в августе 1942 года.

## Ш

**ШАГАЛОВА** Елена Исаевна, 70 лет, еврейка. Погибла в период оккупации в гетто. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

**ШАПИРО** Моисей Ильич, еврей. Погиб в период оккупации в гетто. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

**ШАПИРО** Софья Исаевна, еврейка. Погибла в период оккупации в гетто. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ШАХМАТОВА Зинаида Сергеевна, 1897 г. рождения. Проживала: г. Смоленск. Погибла при немецкой бомбардировке 18.05.1944 г. на эвакуационном пункте № 1.

ШЕВЕЛЕВ Липа, 68 лет, еврей. Погиб в период оккупации в гетто. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ШЕВЕЛЕВА Эля, еврейка. Погибла в период оккупации в гетто. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ШЕМЛЕВ А. Проживал: г. Смоленск, станция Западной железной дороги, телефонист. Погиб при немецкой бомбардировке 26.06.1944 г.

ШЕРЕМЕТЬЕВ Сергей Семенович. Проживал: г. Смоленск, 5 дистанция ж/д пути. Погиб при немецкой бомбардировке в период оккупации.

ШЛЫКОВ Даниила Андреевич, 1885 г. рождения. Проживал: г. Смоленск, строительный трест. Погиб при немецкой бомбардировке 17.05.1944 г.

ШОРНИКОВ Дмитрий Васильевич. Проживал: г. Смоленск, 5 дистанция ж/д пути. Погиб в период оккупации при немецкой бомбардировке.

## Э

ЭНГЕЛЬМАН Гинда Исаковна, 1885 года, еврейка. Погибла в период оккупации в гетто. Похоронена на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ЭНГЕЛЬМАН Исаак Львович, 1924 года, еврей. Погиб в период оккупации в гетто. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ЭНГЕЛЬМАН Лев Яковлевич, 1890 года, еврей. Погиб в период оккупации в гетто. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ЭПШТЕЙН Абрам, 1892 года, и его жена, евреи. Погибли в период оккупации в гетто. Похоронены на территории ме-

мориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ЭПШТЕЙН и 9-ть их детей, евреи. Погибли в период оккупации в гетто. Похоронены на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

ЭПШТЕЙН Илья Исаевич, еврей. Погиб в период оккупации в гетто. Похоронен на территории мемориала в Вязовеньковском лесу на восточной окраине г. Смоленска.

## Я

ЯКОВЛЕВ Андрей Васильевич, член ВКП(б) Красноармейского РК ВКП(б) г. Смоленска. Погиб в 1942 году.

ЯКУШЕНА Вера Степановна, 1922 г. рождения. Проживала: г. Смоленск, строительный трест. Погибла при немецкой бомбардировке 17.05.1944 г.

В поименный список по г. Смоленску занесены 350 мирных жителей, погибших в период оккупации.

**ПЕРЕЧЕНЬ ЗАХОРОНЕНИЙ, ПАМЯТНИКОВ, ОБЕЛИСКОВ,  
УСТАНОВЛЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОАРМЕЙСКОГО,  
СТАЛИНСКОГО, ЛЕНИНСКОГО РАЙОНОВ г. СМОЛЕНСКА  
В ЧЕСТЬ МИРНЫХ ЖИТЕЛЕЙ, ПОГИБШИХ  
В ГОДЫ ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (1941—1943 гг.).**

1. Мемориальное кладбище, на котором захоронено 45 тысяч советских военнопленных и мирных граждан, замученных фашистскими захватчиками.

г. Смоленск, пересечение ул. Н.-Неман и ул. З. Космодемьянской.

2. Братская могила советских граждан, погибших при бомбежке сборного пункта военкомата.

г. Смоленск, ул. Кловская.

3. Братская могила 3-х тысяч советских граждан, казненных фашистскими захватчиками в 1942—1943 гг.— «Курган Бессмертия».

4. Братская могила советских военнопленных и мирных граждан, замученных фашистскими захватчиками в 1941—1943 гг., г. Смоленск, 1-й Краснофлотский пер., 15 (на территории ж/д больницы).

5. Место расстрела и могила 1000 советских граждан, павших от рук фашистских захватчиков 1941—1943 гг., р. Ясенная (севернее в овраге).

*Материал по городу Смоленску подготовлен рабочей группой редколлегии Смоленской областной Книги Памяти совместно с редакционными комиссиями при администрациях Ленинского, Заднепровского, Промышленного районов.*

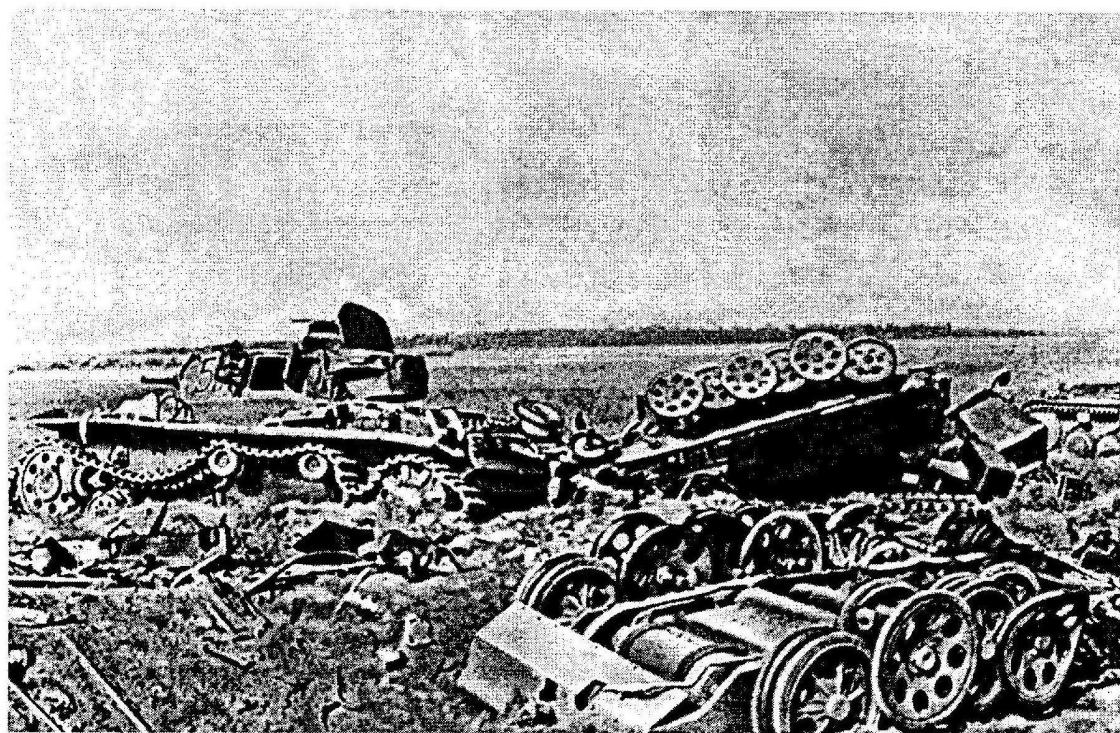
## ИЛЛЮСТРАЦИИ К РАЗДЕЛУ

город Смоленск



Город Смоленск. Советские войска на улице Пролетарской

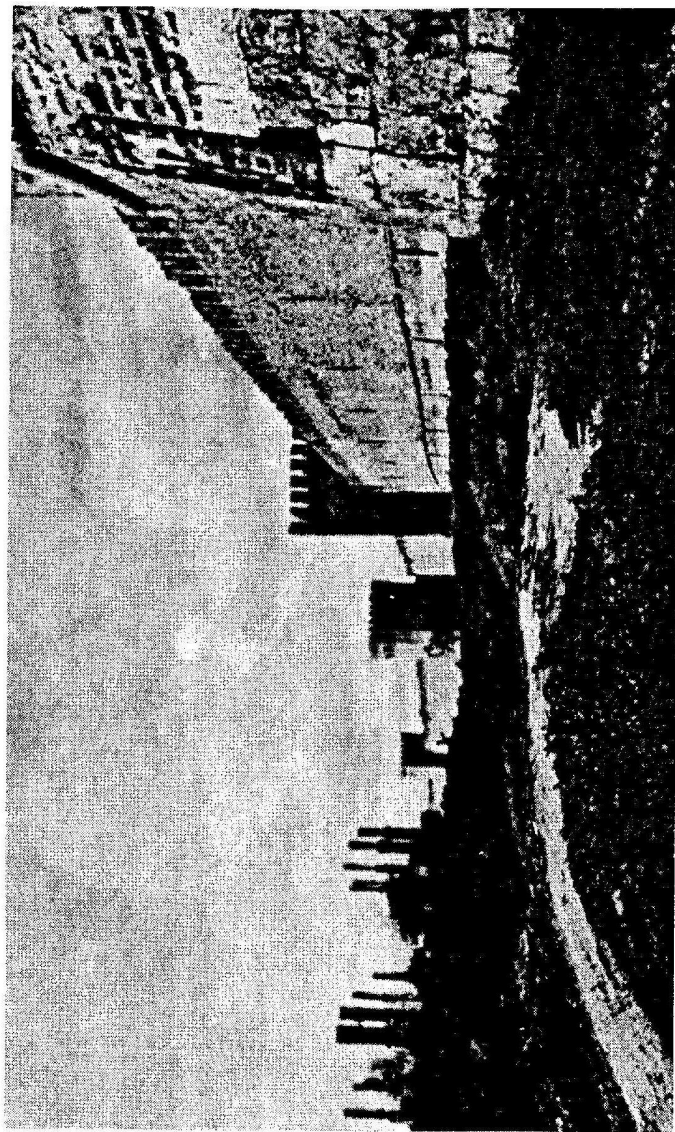




Немецкая боевая техника, подбитая в районе г. Смоленска, 1941 г.  
Репродукция. Автор А. Г. Лиепиньш



Город Смоленск, 1942 г.

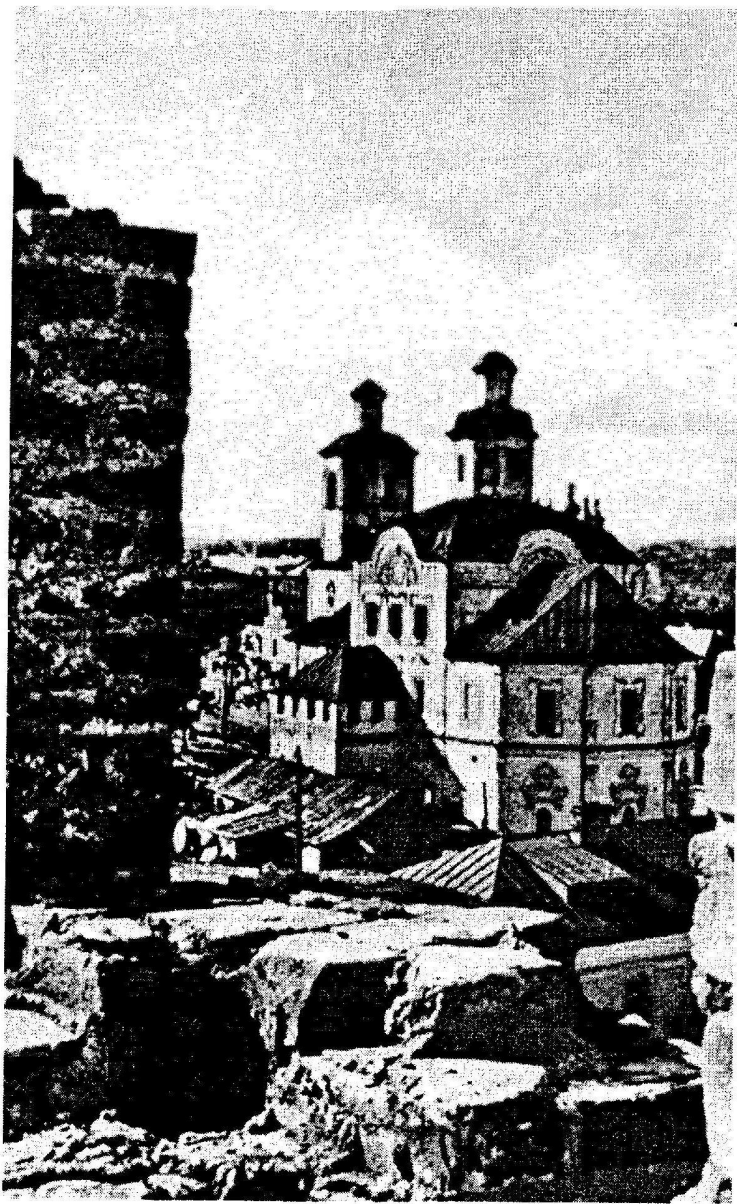


Трофейные открытки города Смоленска в период оккупации

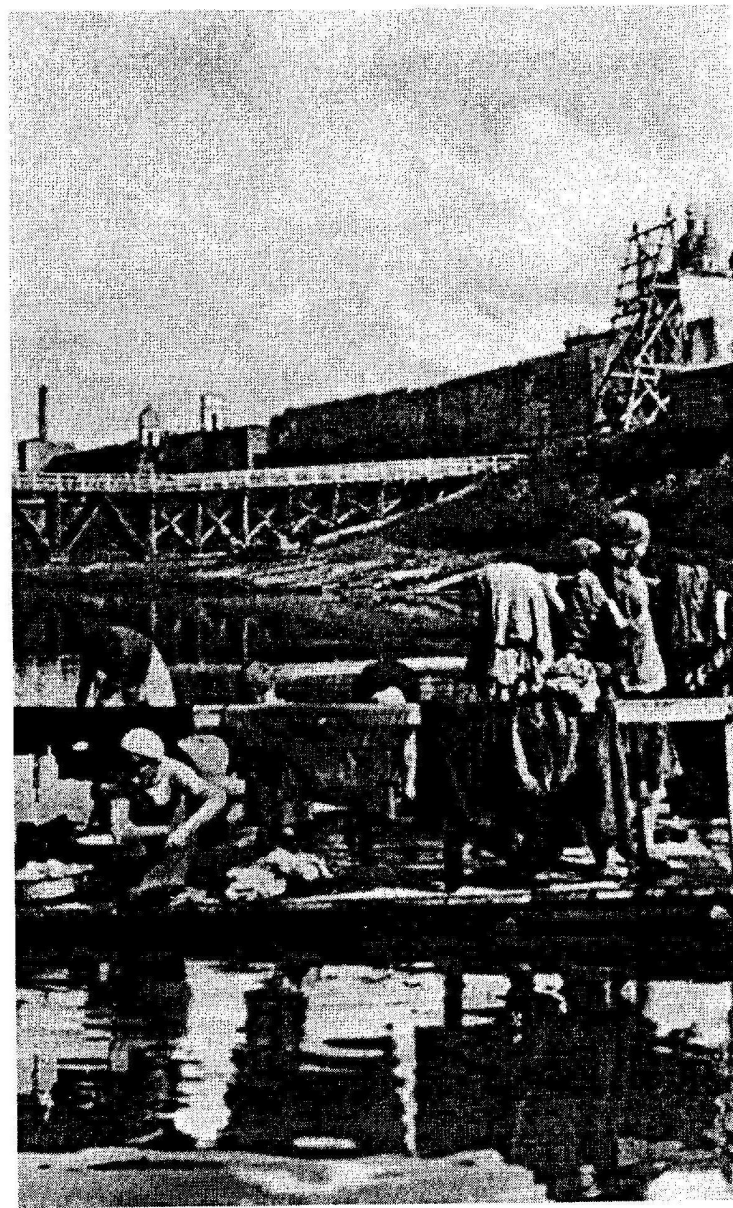


Трофейные открытки города Смоленска в период оккупации





Трофейные открытки города Смоленска в период оккупации



Трофейные открытки города Смоленска в период оккупации



Смоленск, 25 сентября 1943 года. Кинотеатр 15-й

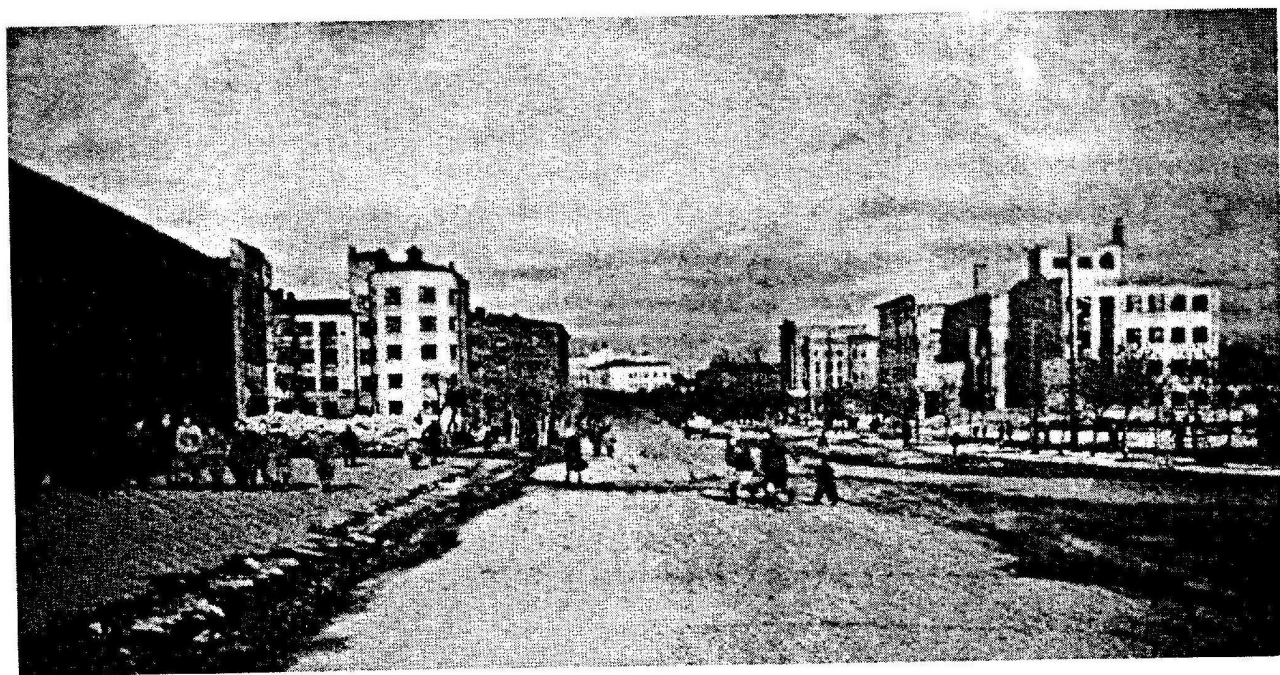


Город Смоленск. Площадь Смирнова. Октябрь 1943 года

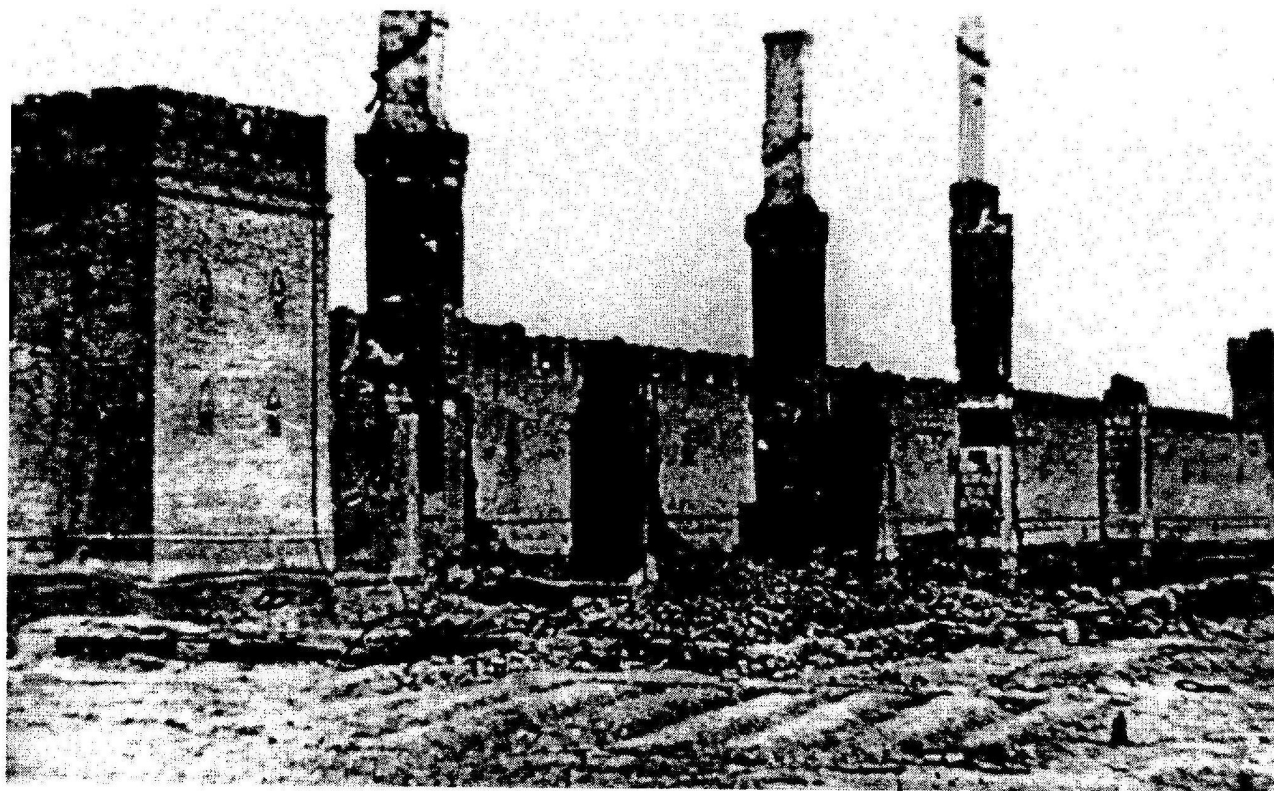




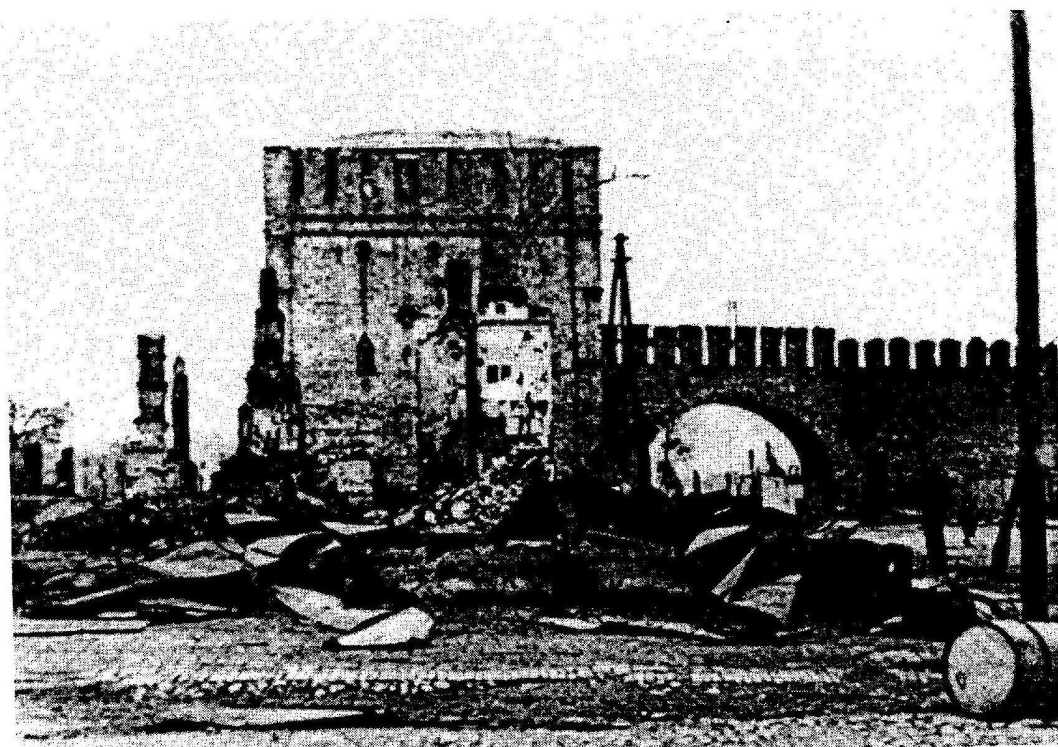
Город Смоленск. Площадь Смирнова



Город Смоленск. Улица Смирнова



Город Смоленск. Крепостная стена. Октябрь 1943 года



Город Смоленск. Никольские ворота. Октябрь 1943 года

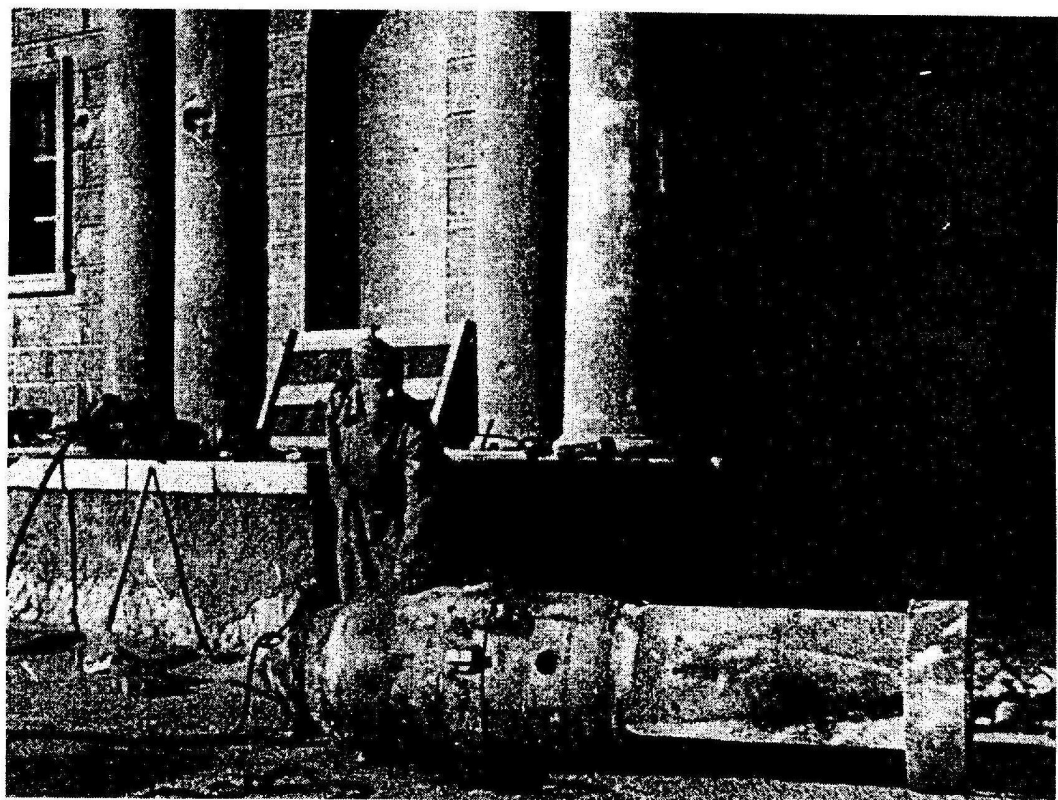




Город Смоленск. Завод им. Калинина. Октябрь 1943 г.



Город Смоленск. Улица Коммунистическая. Октябрь 1943 г.



Город Смоленск. Немецкая бомба около гостиницы «Смоленск»



Город Смоленск. Жители возвращаются (Шейновка)





Памятник Герою Советского Союза, партизану  
Володе Курипенко в Смоленске. Автор Лазебник Н. Я.

## СМОЛЕНСКИЙ РАЙОН